

ЗАМКИ ЛИФЛЯНДСКОЙ ШВЕЙЦАРИИ.

1711 а. 411. i. c.

1614.

РИГА 1913.

Издание книжн. магаз. И. Клавина. Дерптская ул. 57/61.

Кол. оф. 10 кн.

Цена 25 коп.

Замки Лифляндской Швейцаріи

со старыми рыцарскими стѣнами, съ своими знаменитостями, гротами и скалами, съ историческимъ рассказомъ о

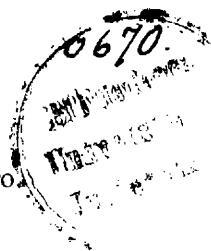
Трейденской Май-Розѣ,

о ея честности и трагической кончинѣ въ Трейденской Гутманской норѣ.

Составилъ

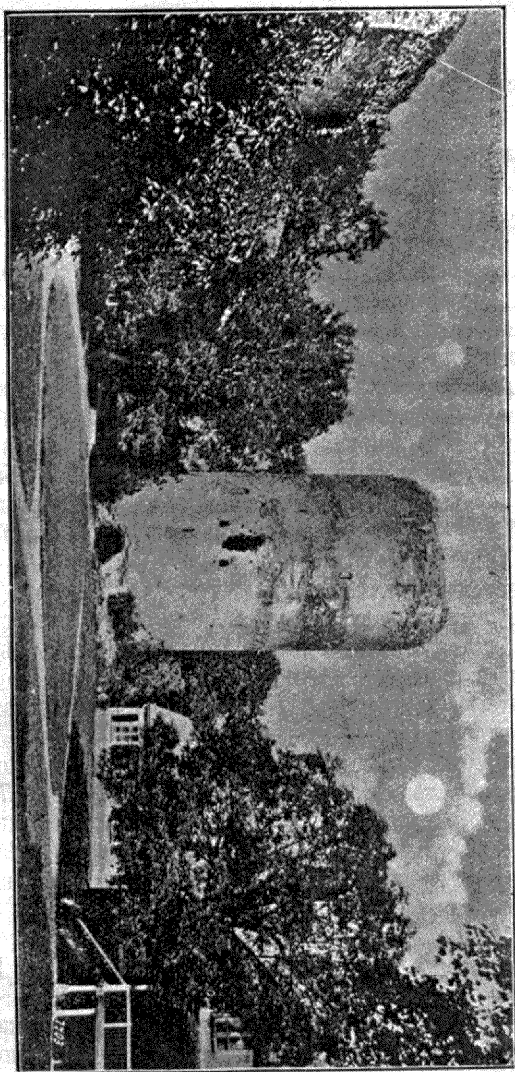
К. Цилинскій.

Переводъ съ латышскаго.

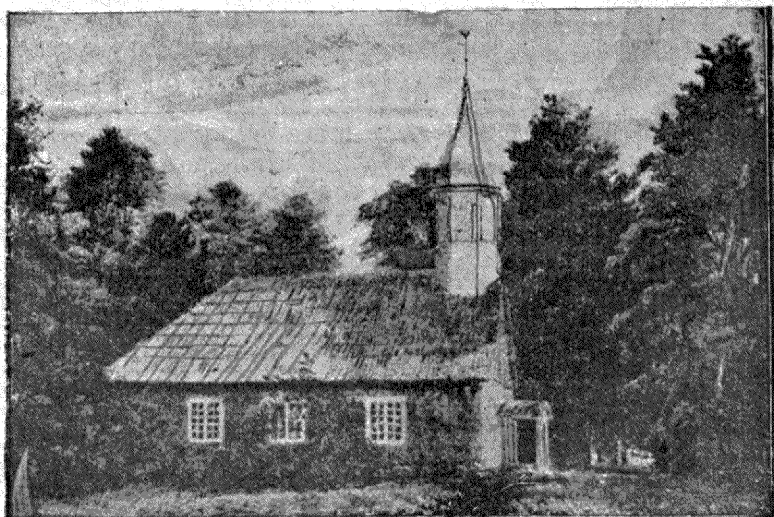
РИГА, 1913.

Изданіе книжн. магаз. И. Клавина, Дерптская ул. 57/61.

Руины Трейденского замка.

«Кубисаль». Въ настоящее время замокъ — имѣніе Трейденъ принадлежитъ фамиліи Штель фонъ Гольштейнъ. — Но ахъ, какая противоположность нашего времени съ прошлымъ. — Тогда гремѣли въ неприступномъ замкѣ мечи и латы рыцарей, землю топтали ноги лошадей, въ воздухѣ раздавались звуки трубъ воиновъ, а теперь? — Теперь тутъ царствуетъ глубокая, подавляющая тишина. Недалеко отъ замка, находится на пригоркѣ старинная Трейденская деревянная кирка (картина 2).

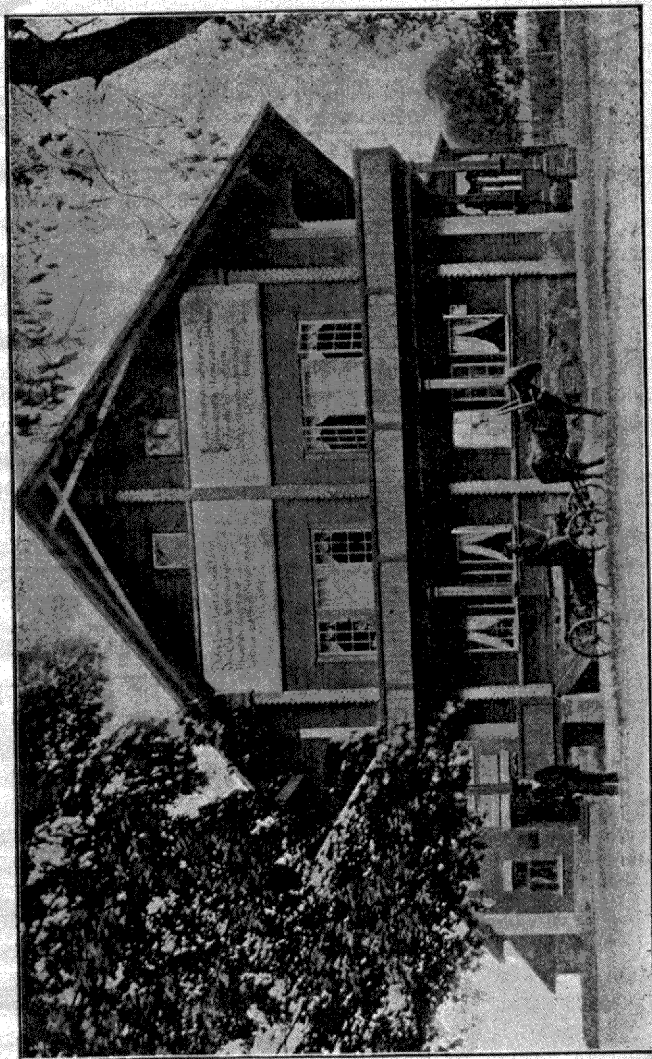
Трейденская кирка.

Хотя эта кирка весьма старая и выстроена просто, но всетаки знаменита тѣмъ, что недалеко отъ нея находится могила «Трейденской дѣвы» Май-Розы. Кромѣ того она имѣетъ историческое значеніе, такъ какъ ее посѣтилъ 12 іюня 1862 года нашъ незабвенный Царь-Освободитель, Александръ II. и его Августѣйшая Супруга, Государыня Императрица Марія, о чемъ свидѣлствуетъ прибитая въ церкви къ стѣнѣ памятная доска. — Немножко дальше, въ сторону замка, направо находится такъ называемый «липовый паркъ», гдѣ

Августѣйшую чету ожидалъ Трейденскій хоръ пѣвчихъ, передъ которымъ она остановилась и всемилостивѣйше соизволила послушать пропѣтый простыми крестьяскими дѣвами и мужчинами народный гимнъ и т. д. Въ Трейденѣ все историческое, даже гостинница, такъ называемый «Швейцарскій домъ», получившая свое названіе отъ того, что построена въ видѣ построекъ въ Швейцаріи, какъ это видно на картинѣ № 3.

Эта Трейденская гостинница исторически знаменитая тѣмъ, что когда то, въ верхнемъ залѣ, каждое лѣто состоялись конференціи учителей Лифляндіи, во главѣ съ училищнымъ совѣтникомъ, въ которыхъ участвовалъ тогдашній директоръ семинаріи рыцарства Лифляндіи Цимзе. Въ этихъ случаяхъ на высшей галереѣ во время антрактовъ конференціи часто раздавались звуки пѣнія въ четыре голоса, которыя въ тѣ крѣпостныя времена звучали будто съ высокаго неба и потрясали сердца людей. Были вѣдь дочери и сыновья латышскихъ крестьянъ, которые пѣли эти пѣсни. На исторической Трейденской «Горѣ Преступниковъ», бывшее судилище, была сожжена молодая дѣвушка, Мильда. На вершинѣ горы еще и сейчасъ видна широкая, довольно глубокая яма, выжженная кострами въ старину.

А если еще желаешь увидѣть старую, чудную замковую гору предковъ около усадьбы Вѣши, то слѣдуетъ вернуться и итти на такъ называемую долину Цируль, т. е. мимо усадебъ Вильда и Крастина, все держась берега Старой Аа (Гаун), и черезъ полчаса ты будешь тамъ. Вершина горы съ выбоинами; можетъ быть тамъ старыя колодцы, а можетъ быть старыя ямы искателей «клада.» Эта замковая гора была одна изъ самыхъ неприступныхъ. Имѣется еще много слѣдовъ отъ старинныхъ укрѣпленій и бастіоновъ. Знаменита въ историческомъ отношеніи эта гора тѣмъ, что она имѣетъ свои особенности. Если ты у источника этой горы выстрѣлишь изъ ружья, то отъ выстрѣла мало что слышишь, но на другомъ берегу, въ сторону Нурмижскаго имѣнія, раздается такой грохотъ, будто бы выстрѣляли изъ тысячи ружей вмѣстѣ. И эти отголоски повторяются 14—15 разъ, понятно, все ослабѣвая. Но есть еще особенность. Если въ тихую погоду, въ воскресеніе, во время богослуженія, сядешь на этой

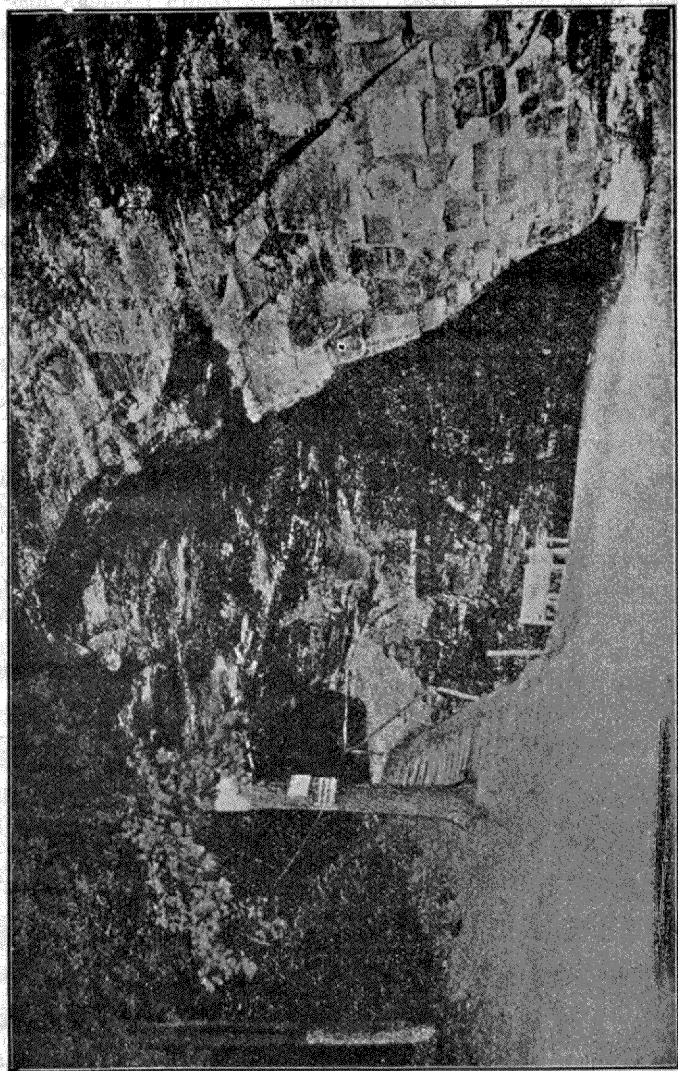

Трейденская гостиница или Швейцарский домъ.

горѣ, у упомянутого источника и подставишь ухо къ нему, то изъ него раздается пріятное, нѣжное пѣніе, даже мелодію можно различить хорошо, хотя Трейденская кирка находится, считая прямо по воздушной линіи, на 2—2 ¹/₂ версты отсюда. Понятное дѣло, что этому причиною служить какой-нибудь приводный проводъ. Раньше наши предки рассуждали, что въ источникѣ поютъ души нашихъ прадѣдовъ.

Посѣщая Трейденъ, въ сердце вкрадывается печальное чувство, такъ какъ вездѣ въ этихъ историческихъ мѣстахъ лилась кровь нашихъ предковъ, которые боролись за нашу свободу, отечество и семейство противъ пришельцевъ.

Отправляясь изъ Трейдена по долинь рѣки Аа (Гауи), направо, около 100 саженой отъ дороги, находится старый, знаменитый гротъ Гутмана, который выгрызла Старая Аа, въ тѣ времена, когда у Аа до рѣки Браслы жили ливы. Этотъ гротъ находится въ связи съ историческимъ, хотя романтическимъ рассказомъ сей брошюры, героиня которой упомянутая Май-Роза, прозванная «Трейденская Роза», которая тутъ убита изъ ревности. Дѣло объ этомъ убійствѣ еще сохранилось въ архивѣ бывшаго Лифляндскаго гофгерихта. Изъ глубины этого грота вытекаетъ серебристый ручеекъ, который въ старину считался святымъ, въ немъ купались и водою его лечились, за что ему жертвовали нѣсколько монетъ. Въ скалистыхъ стѣнахъ грота врѣзано много фамилій посѣтителей, изъ которыхъ видны даже имена Гердера и Паткуля, изъ которыхъ послѣдній игралъ столь большую роль въ исторіи Прибалтійскаго Края. Нѣкоторыя надписи весьма старыя, напримѣръ съ 1564 года. Кромѣ этого этотъ гротъ, бывший храмъ предковъ, въ которомъ они жертвовали своимъ богамъ. — Какъ изъ картины видно, внѣшнія стѣны грота Гутмана весьма обширны, но внутри онѣ суживаются. На нѣсколько ступеней выше, на лѣво, находится гротъ поменьше, которую Викторъ Гейль, женихъ Май-Розы, вырубилъ по вечерамъ для своей любимой невѣсты, чтобы ей изъ него лучше видѣть Зегевольдскій замокъ, въ которомъ онъ жилъ въ качествѣ садовника. Но этотъ гротъ Гутмана имѣетъ какую то особенность. Когда въ немъ при тихой, смирной погодѣ сидеть человекъ, и задерживая дыханіе, начинаетъ слушать, то онъ сначала услышитъ будто тихій звонъ колоколовъ, будто

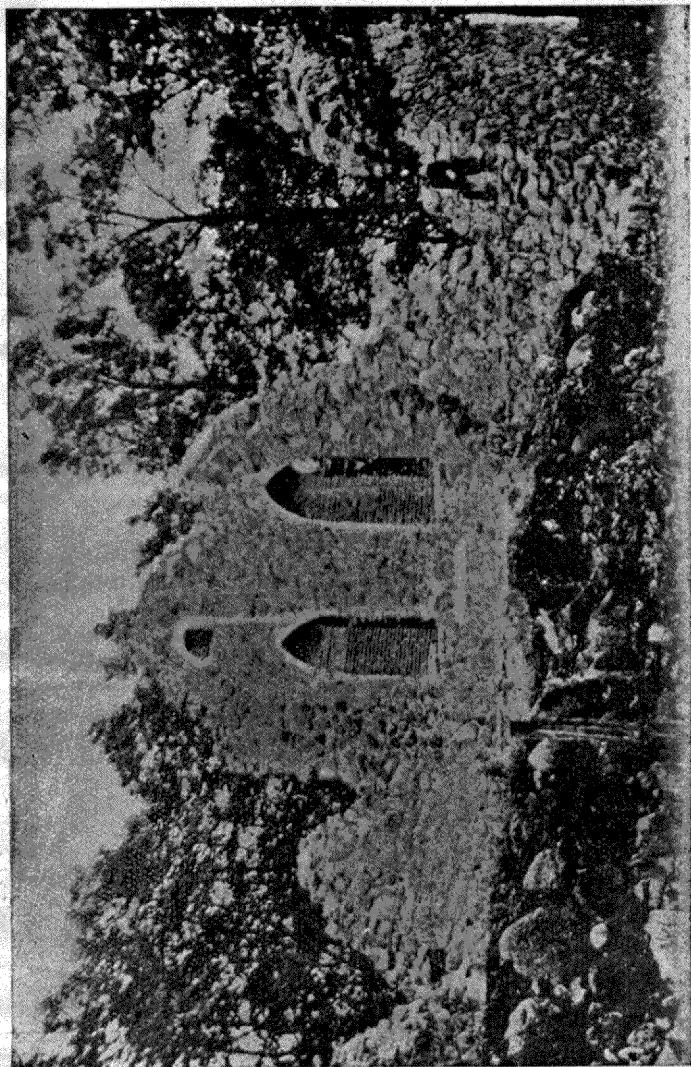
Гротъ Гутмана.

музыку, будто звуки пѣсенъ, которыя въ концѣ концовъ превращаются въ неземную мелодію. И человѣкъ слушаетъ да слушаетъ и не забудетъ никогда эти волшебные звуки, которые образуются отъ капель воды и маленькихъ ручейковъ въ стѣнахъ грота, которые протекая сверху внизъ, издають эти нѣжныя, неземныя мелодіи. Такимъ образомъ каждое явленіе имѣетъ свое основаніе. —

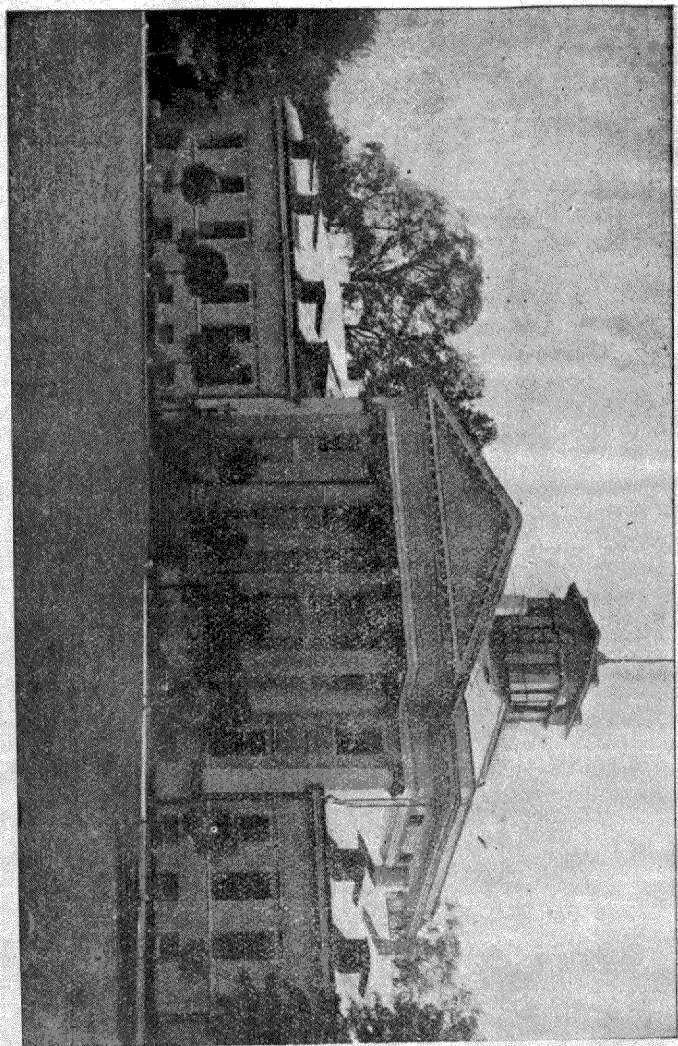
Но оставимъ гротъ Гутмана, этотъ старинный храмъ предковъ, и поидемъ въ гору къ руинамъ замка Кремона и къ новому замку, картины которыхъ напечатаны въ нашей брошюрѣ. Эти старыя руины замка Кремона находятся противъ Зегевольда, на правомъ берегу Аа (Гауи), на горѣ направо, въ красивой роцѣ лиственныхъ деревьевъ. Замокъ построенъ около 1255 года и 1817 года его унаследовалъ князь Ливенъ. Руины замка Кремонъ менѣе замѣчательны, нежели Зегевольда и Трейдена, и по большей части искусственно возобновлены. И у этихъ руинъ мы должны остановиться и подумать, какую колоссальную работу могли сдѣлать люди и гдѣ находится прахъ этихъ людей, которые въ свое время работали и лили свой потъ. — Все таки каждому врагу въ упорѣ построенъ этотъ замокъ, и когда онъ разрушенъ, это ясно неизвѣстно. —

Когда прогуливаемся по хорошо отдѣланной дорогѣ, то видимъ Швейцарскій домъ Кремона или гостиницу, передъ которой можно присѣсть на скамейкахъ, и если есть аппетитъ, покушать и выпить стаканъ пива. Неможно дальше,halbwegs отъ дороги, находятся зданія имѣнія Кремона и самый новый замокъ, весьма красиво построенъ, какъ это доказываетъ соединенная картина, и тамъ сохраняются многія дорогія картины.

Этотъ замокъ все еще собственность семьи князя Павла Ливена и строго защищается отъ входа постороннихъ лицъ колючими проволочными изгородями и надписями: «Входъ строго запрещается». — Этотъ замокъ посѣтилъ 11 и 12 іюня 1862 года Государь Александръ II съ Августѣйшею Супругою Государынею Маріей. Плодовый садъ уничтоженъ, между замкомъ и гостиницею и превращенъ въ красивую, зе-

Руины замка Кременъ.

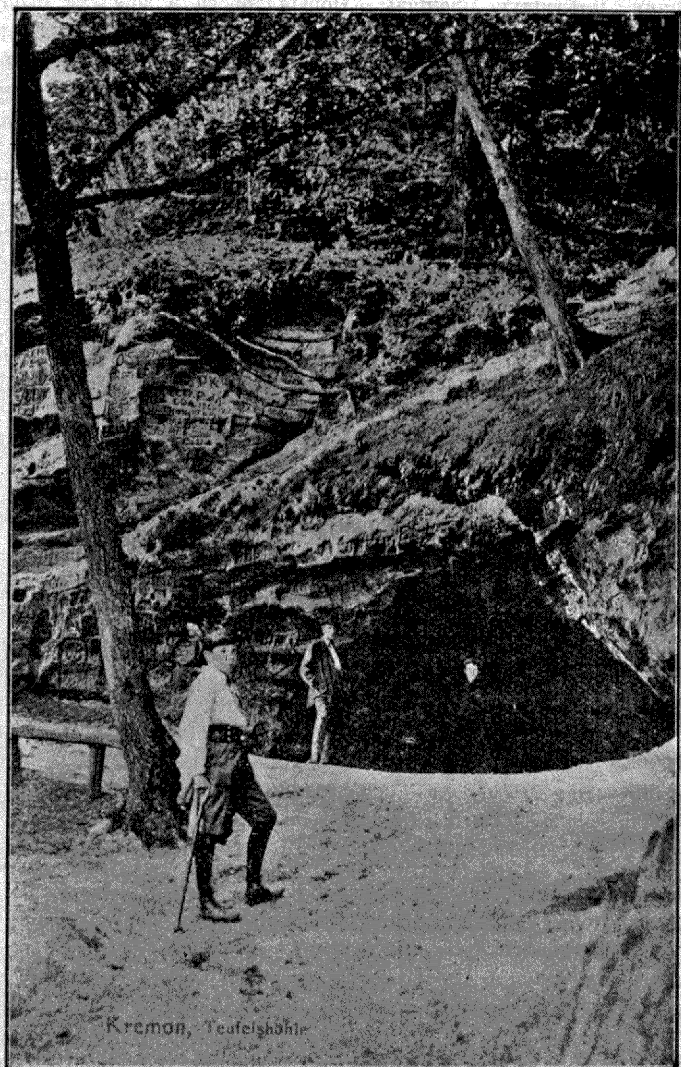

Новый замок Кременьчукъ.

ленную, цвѣтущую площадь. Новыя дороги и дорожки выкопаны снова и старыя исправлены. Но еще стоитъ сказать то, что окрестности замка Кремонь очищены и находятся въ лучшемъ порядкѣ, за что слѣдуетъ благодарить собственицу замка, богобоязливую княгиню госпожу Ливень, которая кромѣ того весьма много жертвовала для поднятія уровня образованія и морали и также теперь принимаетъ живое участие, устраивая богослужебныя собранія и раздавая общеобразовательныя брошюры. — Это — рѣдкость, но дѣйствительность. — Довольно знаменита также Кремонская кирка, версты 4 отъ имѣнія, построена около 1205 года католическимъ священникомъ Алобрандомъ, но всетаки безъ всякаго глубокаго фундамента на ровной землѣ, и башня которой исправлена 1905 года, въ память 700 лѣтнему юбилею кирки.

Потомъ знаменитъ подъ замкомъ Кремонь Чертовъ гротъ, въ которомъ свое время жили поляки Якубовскій и его товарищъ Скудринъ, когда они оставили замокъ Трейдень и бродили кругомъ, пока убили въ гротѣ Гутмана Май-Розу. Но пока дойти до этого грота, слѣдуетъ идти надъ бездною подъ замкомъ, но никто не будетъ сожалѣть этого, такъ какъ дорога прекрасно устроена и по ней падаетъ пріятная тѣнь отъ лиственницы на путешественника. Этотъ гротъ свое названіе получилъ отъ рычанія черта, который тутъ недоволенъ своимъ сырымъ жилищемъ и сердито рычитъ, такъ что онъ долженъ каждую минуту тутъ опасаться за свою жизнь. Но этотъ звукъ образуется отъ крутой скалы, мимо которой протекаетъ быстрая рѣка Аа (Гаая).

Но возвратимся въ Зегевольдъ, т. е. на Зегевольдскую желѣзнодорожную станцію, и посмотримъ на знаменитыя руины замка, которыя мы видимъ на картинѣ. Эти руины находятся сейчасъ за новымъ замкомъ. Вообще замѣчательна четырехугольная башня, на фасадѣ которой въ позднѣйшія времена вставленъ гербъ графа фонъ Берга, которому раньше принадлежалъ Зегевольдъ. Дальше, направо, другія стѣны и руины башни. Этотъ замокъ тоже посѣтилъ Императоръ Александръ II и Государыня Императрица Марія 11 Юня 1862 года, который тогда принадлежалъ графу фонъ

Kremon, Teufelshöhle

Кремонский Чертовъ гротъ.

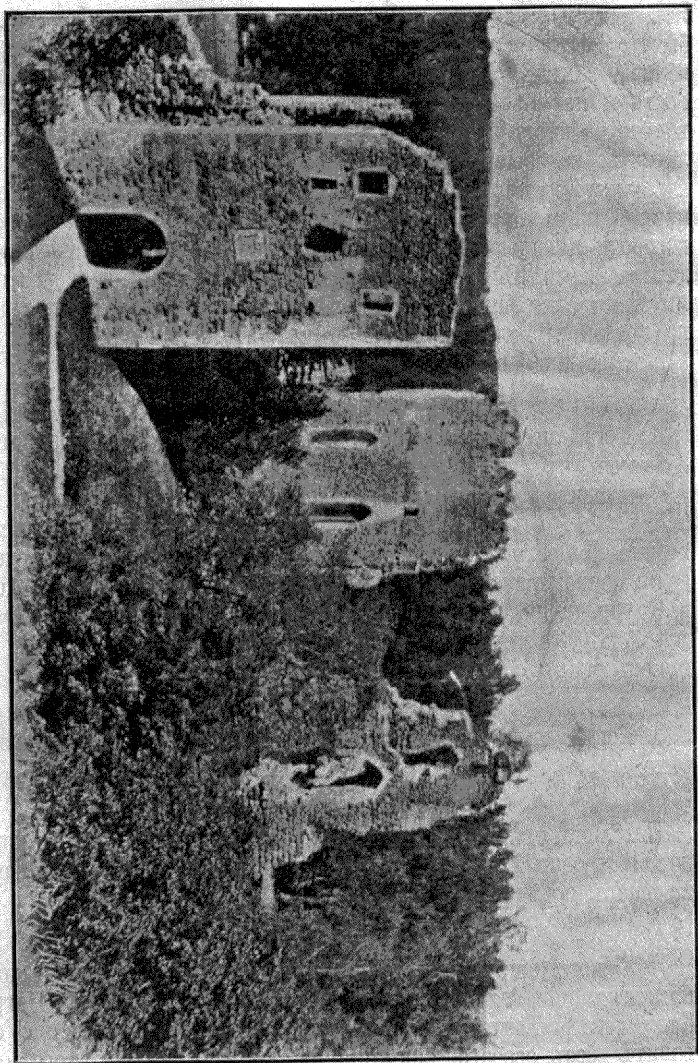
Бергъ. Все тутъ было устроено въ лучшемъ порядкѣ. — Всѣ мѣстные жители собрались тутъ вмѣстѣ встрѣтить любимаго Государя и его Супругу, но были удалены въ оврагъ вблизи замка. Но около 12 часовъ прѣхалъ Высочайшій Гость и на обѣдъ вдругъ спросилъ: «Я не явился смотрѣть только на этотъ замокъ — гдѣ же люди?» На это дали знакъ людямъ, которые находились въ оврагѣ, и эти приблизились къ замку. Описать этотъ случай нѣтъ возможности. Какъ вѣтеръ, какъ буря эти люди ворвались черезъ ворота, черезъ изгороди и валы къ верандѣ, на которой стоялъ Царь-Освободитель, какъ Юпитеръ, котораго всѣ встрѣтили громогласными возгласами, при чемъ многіе плакали и нѣкоторые упали на колѣни и молились Богу. Послѣ этого ликования начались «Царскія дни» въ Лифляндской Швейцаріи. —

Когда построенъ замокъ Зегевольдъ, хорошо неизвѣстно. Думаютъ, что въ тѣ времена, когда весь лѣвый берегъ рѣки Аа находился подъ владычествомъ рыцарскаго ордена, т. е. около 1217 года, и когда тамъ управлялъ нѣкій ливійскій возжидъ Дабрель, о которомъ рассказываютъ, что онъ очень долго сопротивлялся введенію христіанства въ Лифляндію, хотя и Каупо давно передъ этимъ сталъ христіаниномъ въ Трейденѣ. Послѣ того и Дабрель принялъ христіанскую вѣру, но померъ, какъ объ этомъ рассказываетъ преданіе.

Когда опустошенъ замокъ Зегевольдъ, хорошо неизвѣстно.

Недалеко отъ замка находится Зегевольдская кирка, которая построена 1224 года, когда легать папы, Вильгельмъ фонъ Моденасъ посѣтилъ Лифляндію. — — —

У кого еще хватитъ времени, тотъ можетъ по выходѣ изъ замка, по большой дорогѣ отправиться къ гротамъ Петра, Крауклиса и Грота; но тотъ, кто видѣлъ гротъ Гутмана, оставитъ безъ особаго вниманія остальные. Кромѣ того они вовсе неупомянуты въ рассказѣ о Трейденской Май-Розѣ, и потому посѣщеніе этихъ гротовъ необязательно.

Руины замка Заревольда.

Возждь ливовъ Дабрель и его жена.

Оставляя Лифляндскую Швейцарію, можно сказать только то, что нѣтъ въ Лифляндіи мѣстностей красивѣе, какъ Бокенгузенъ, Венденъ, Лигать и Нурмижи и потому Лифляндская Швейцарія была и остается царицей природы на сѣверѣ Россіи.

Но желаніе мое такое, чтобы мой разсказъ о Трейденской Май-Розѣ нашелъ себѣ почитателей у читающей публики, хотя онъ романтическій, но всетаки правдивый.

Глава 1.

Гадобарь и Радивиль.

1601 года, въ маѣ мѣсяцѣ раздались въ Трейденскомъ замкѣ звуки трубы башеннаго сторожа, въ знакъ того, что приближается непріятель.

На этотъ разъ были шведы, которые ночью подошли къ замку и готовились его занять. Они знали, что тамъ находился только небольшой отрядъ рыцарей. — Неожиданный ударъ молніи не возбуждиль бы такъ рыцарей упомянутаго замка, какъ этотъ сигналъ. Они на скорую руку схватили свое оружіе, большіе, широкіе мечи и длинныя, острия пики и сбѣжили къ своимъ конямъ.

Но, кто видѣлъ этихъ сильныхъ, вооруженныхъ съ ногъ до головы воиновъ, тогъ долженъ былъ подумать, что эти люди непобѣдимы.

Кромѣ того ихъ сытыя, ученныя, красиво осѣдланныя лошади, которыя ржали и топтали землю, чуть только увидали своихъ сѣдковъ, тоже заставили кое что подумать.

И черезъ нѣкоторое время они уже сидѣли на своихъ коняхъ и только дожидались на дворѣ замка своего предводителя, своего господина и повелителя, который еще не выпелъ изъ замка и конь котораго за узду держали еще двое служителей, который ржалъ и все время топталъ передними ногами землю, дожидаясь своего сѣдока.

Число рыцарей было небольшое.

Число ихъ состояло изъ 130 лицъ.

Но пока еще ихъ возждь не выпелъ изъ замка, раздались во второй разъ звуки трубы сторожа, оповѣщая, что какая то группа рыцарей приближается къ подъемному мосту замка, — котораго сейчасъ спустили, крупкія ворота замка открылись и всадники скрылись на дворѣ замка, при чемъ раздалось ликование:

«Богъ съ нами! — Богъ съ нами!»

Было около 100 рыцарей изъ сосѣднихъ замковъ, которые, по приглашенію вождя Трейдена, поспѣшили на помощь противъ непріятеля, который на этотъ разъ въ большомъ количествѣ приблизился къ замку, желая его забрать въ свои руки.

Всѣ рыцари знали, что на этотъ разъ борьба будетъ страшная, такъ что шведскіе солдаты были хорошо обучены!

Но это знали также ихъ жены, потому нѣкоторыя, особенно молодыя, пошли со своими мужьями, желая вмѣстѣ бороться, помогать имъ побѣдить или умирать.

Изо всѣхъ выдѣлилась какая то молодая, очень красивая женщина, съ длиннымъ, большимъ мечемъ, у которой на рукахъ сладко спала маленькая, нѣжная дочка, пезная ни опасности, ни заботы, ни горя.

Съ нею рядомъ сидѣлъ на очень красиво осѣдланномъ конѣ мужъ и часто заботливо взглядывалъ на упомянутую даму, изъ чего видно было, что молодая женщина его супруга и мать маленькаго ребенка.

— Милая Шарлота, — говорил молодой рыцарь нѣжнымъ голосомъ, — вернись назадъ и позаботись о нашемъ ребенкѣ. Я тебя прошу послѣдній разъ, вернись назадъ, вернись назадъ! — Подумай хорошо, что ты дѣлаешь. — Подумай, что твоя слабая рука можетъ мало кое что сдѣлать непріятелю, и что твоя святѣйшая обязанность — сидѣть у колыбели нашей любимой дочурки.

— Нѣтъ, мой дорогой Вилибальдъ, — сказала молодая жена пѣжнымъ голосомъ, — безъ тебя я не могу жить. Я люблю тебя больше всего на свѣтѣ. И видишь, это милое существо у моей груди, только плодъ нашей любви. — Но я его беру собою изъ материнской любви. Если тебя убьютъ въ борьбѣ, тогда я и ребенокъ тоже умремъ.

— Но когда я тебя умоляю отправиться въ замокъ Кремонъ, который, на сколько мнѣ извѣстно, непріятель Трейдена на этотъ разъ оставитъ въ покоѣ, ожидать тамъ конецъ борьбы. Шарлота, послушайся меня и съѣзди туда, пока еще время, такъ что неизвѣстно, что захочетъ нашъ непріятель. Можетъ быть, что онъ задумалъ насъ окружить со всѣхъ сторонъ и намъ нужно будетъ тутъ долго оставаться. Не мо-

жемъ также знать, что мы сами будемъ сдѣлать, или бороться на стѣнахъ замка, или бороться въ долинѣ.

— Это для меня все равно, — Шарлота говорила дрожащимъ голосомъ. — Гдѣ ты будешь, тамъ хочу быть и я. Твоя жизнь будетъ моя жизнь, твоя смерть будетъ моя смерть.

И Вилибальдъ снялъ съ правой руки желѣзную перчатку и подаль ее своей горячо любимой женѣ и говорилъ тропу-тымъ голосомъ:

— Твоя любовь превышаетъ мою просьбу, потому я и исполняю твое желаніе, которое теперь ничто другое, какъ чистая любовь; пусть будетъ по твоему.

Но вдругъ онъ замолкъ.

Раздались звуки трубъ.

Рыцари привстали на своихъ коней, такъ что въ эту минуту вышелъ ихъ начальникъ и повелитель и сѣлъ на своего коня.

Онъ махнулъ рукою и всѣ рыцари окружили его.

— Братья, друзья, — сказалъ онъ звучнымъ, громкимъ голосомъ, — многочисленный и сильный врагъ приближается къ нашему замку; но не будемъ падать духомъ; наши руки сильны и наши мечи тяжелы и остры. Богъ будетъ съ нами и поможетъ намъ побѣдить сильнаго врага, который осмѣливается намъ приближаться, желая забрать въ свои руки этотъ замокъ и насъ уничтожить, затоптать насъ своими конами и живыхъ забрать въ плѣнъ и посадить въ тюрьму; потому мы имъ и покажемъ, что мы можемъ еще ихъ отбить! Ворота тайнаго прохода неизвѣстны неприятелю и потому замокъ для него неприступный. Намъ остается только рѣшить, защищаться на стѣнахъ замка или пойти въ долину и бороться тамъ. — Братья, посоветуйтесь по этому дѣлу.

— Въ долину, въ долину! — Раздавались громогласные крики.

— Я согласенъ съ вашимъ рѣшеніемъ, — сказалъ предводитель рыцарей. — Я думаю тоже самое. Если мы дозволимъ насъ окружить, то съ нами можетъ случиться тоже самое, что въ былыя времена: намъ придется терпѣть голодъ и жажду; потому и отправимся въ долину, гдѣ нашъ врагъ собрался въ большое количество.

— Въ долину, въ долину! — раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Но, братья, скажите мнѣ, что думаютъ дѣлать эти женщины? Почему онѣ явились сюда? — спросилъ Гадобаръ, предводитель рыцарей.

— Господишь, — сказала знакомый уже намъ рыцарь Вилибальдъ звонкимъ голосомъ, — онѣ желаютъ бороться съ нами.

У Гадобара на глазахъ показались слезы.

— Сестры мои, вернитесь назадъ, вернитесь назадъ, и молитесь Богу за насъ и заботитесь о своихъ дѣтяхъ, — сказалъ онъ привѣтливымъ голосомъ, — вернитесь назадъ, вернитесь назадъ!

— Нѣтъ, господинъ, — отвѣчала Шарлота, — мы остаемся у своихъ мужей и будемъ бороться, пока будетъ побѣжденъ непріятель.

Послѣ этого она воскликнула звонкимъ голосомъ:

— Богъ съ нами, Богъ съ нами!

И всѣ рыцари вторили ей:

— Богъ съ нами, Богъ съ нами!

— Да будетъ на это его воля, — сказала Гадобаръ съ глубокимъ чувствомъ. — Сопровождайте своихъ супруговъ на святую войну, и дай Богъ, чтобы мы опять вечеромъ увидѣлись. — А теперь впередъ, братья! Впередъ! Впередъ!

Прозвучали звонко трубы.

Ворота замка широко открылись, и рыцари вихремъ выѣхали въ поле, восклицая:

— Впередъ, впередъ! — Богъ съ нами, Богъ съ нами!

Врагъ еще вполнѣ непрigотовился на борьбу, когда рыцари, какъ грозная грозовая туча, спускались внизъ. Врагъ сначала испугался, думая, что рыцарей будетъ большое количество, самое мѣнѣе какая тысяча, — но когда они видѣли, что ихъ небыло болѣе 400, тогда они опомнились и ликовали.

Около 100 шаговъ отъ врага рыцари остановились и осматривали полки непріятеля, которые состояли изъ всадниковъ и пѣшихъ. Послѣдніе были вооружены топорами, въ длинныхъ, крѣпкихъ топорщахъ. Кромѣ того видны были

также дубины и еловые палки; но всѣ всадники были вооружены большими мечами и длинными пиками.

Послѣ того все затихло, какъ передъ бурей.

Гадобаръ поскакалъ немножко впередъ и потомъ остановился.

Такъ же самъ непріятельскій предводитель поскакалъ нѣсколько шаговъ впередъ навстрѣчу Гадобару.

— Ага, — сказалъ Гадобаръ при себѣ, — могущій Радивиль желаетъ завоевать мой замокъ.

Онъ на минуту задумался и потомъ воскликнулъ звонкимъ голосомъ: — Радивиль, почему ты начинаешь раздоры со мною? Почему ты меня посѣщаешь сегодня вооруженнымъ? — Почему ты хочешь тамъ жать, гдѣ непосѣялъ? —

Гадобаръ, не мы воюемъ противъ тебя, а эти бѣдные туземцы, у которыхъ ты отобралъ тридцать молодыхъ дѣвъ и столько же юношей и приказалъ заключить въ монастыри, или послать ихъ въ Римъ. Знаешь ли ты, что ты этимъ надѣлалъ? Знаешь ли ты, что ты лишилъ и родителей ихъ дѣтей, невѣстамъ жениховъ и женихамъ невѣсты? Знаешь ли ты, какое прогрѣшеніе ты этимъ сдѣлалъ? — Отдай обратно этимъ воинамъ ихъ сыновья и дочери, и мы сейчасъ уйдемъ, а если нѣтъ, то знаешь, что мы разрушимъ твое могущество и завоеваемъ твой замокъ, хотя онъ былъ бы стальными цѣпями прикрѣпленъ къ небу!

— Радивиль, — отвѣчалъ Гадобаръ звонкимъ голосомъ, — что мы сдѣлали, то сдѣлали въ пользу этихъ язычниковъ, которые такъ упорно сопротивляются распространенію христіанства. И мы нежелаемъ ничего другого, какъ только научить ихъ сыновей и дочерей въ Римѣ хорошими христіанскими проповѣдниками. Когда это будетъ сдѣлано, тогда имъ разрѣшено возвратиться и заниматься дѣломъ просвѣщенія!

— Ахъ такъ? — кричалъ Радивиль. — Теперь я вижу, что ты слѣбое орудіе папы. Я тоже желаю, чтобы христіанство распространилось у мѣстныхъ жителей, но ни мечомъ и варварскими средствами. Туземцы вотъ теперь просили отъ меня помощь и чтобы я положилъ конецъ твоему деспотизму и потому я явился сегодня сюда. Васъ только маленькая горсточка, а насъ около 1,500 человекъ. Такъ вотъ судьба твоя и твоихъ друзей находится вполне въ моихъ ру-

какъ и мы некончимъ борьбы, пока неуничтожимъ твоего могущества, не завоюемъ твоего замка и неосвободимъ упоминаемыхъ дѣвъ и юношей.

— Ты хвастаешь какъ Голиаѳъ противъ маленькаго Давида; но Богъ будетъ съ нами и отдастъ тебя сегодня въ мои руки и ты узнаешь, что мы служители Его святого дѣла, — пояснилъ Гадобаръ звонкимъ, дрожащимъ голосомъ.

— Дрянный негодяй — теперь ты уже мой непріятель. Иди сюда, на поединокъ, какъ это слѣдуетъ честному рыцарю!

Но Гадобаръ кричалъ:

— Богъ съ нами, — а съ тобою чертъ! — Богъ съ нами! — И «Богъ съ нами!» — закричали и другіе рыцари замка Трейдень, пока трубачи трубили въ знакъ начало борьбы.

Вдругъ раздался страшный шумъ по горамъ и долинамъ Трейдена. Весь день продолжалась борьба въ долину «Мясниковъ».

Но не только рыцари и туземцы боролись какъ львы, а также женщины, которыя сегодня сопровождали рыцарей Трейдена въ борьбу.

Гадобаръ и Радивиль нѣсколько разъ встрѣтились, а никто изъ нихъ немогъ побѣдить своего противника.

Ахъ, эта борьба была ужасная.

Грохотала земля, сверкали пики, нѣкоторыя сломались у желѣзныхъ латъ, окровавленные мечи ужасающе сверкали въ лучахъ солнца, много труповъ людей и коней покрывали поле борьбы. Кровь лилась ручьями и протекала въ рѣку Аа, вода которой окрасилась красною.

Около шесть часовъ пополудни оказалось, будто врагъ будетъ побѣдителемъ, но въ эту критическую минуту послѣшило на помощь рыцарямъ замка Трейдень 100 сосѣднихъ рыцарей, которые такъ нечаянно напали на врага и тотъ началъ отступать.

Но въ это время случилось кое-что особенное.

Нѣкоторые враги исчезли съ поля борьбы и тѣ, которые еще боролись, начали медленно отступать.

Радобаръ подумалъ, что непріятель хочетъ оставить поле борьбы и уйти совсѣмъ, но дѣло имѣло совсѣмъ другой

характеръ. Нѣкій туземецъ Трейдена показаль врагамъ дверь тайнаго прохода, которую сломали и враги ворвались черезъ проходъ въ замокъ.

И пока въ долинѣ борьба все еще продолжалась, и Гадобарь думаль что побѣдилъ, въ то время на верху въ замкѣ раздались ликованія побѣды, которыя достигнули также слухъ Гадобара.

Мы пропали! — воскликнулъ онъ, — замокъ занятъ непріателемъ! Братья, теперъ намъ остается только бѣжать или отдаться въ руки непріателя!

Слыша эти слова, рыцари потеряли свое мужество и съ заходомъ солнца кончилось ихъ сопротивленіе.

Гадобарь и много рыцарей были взяты въ плѣнъ людьми Радивила.

И съ тѣмъ кончилась ужасная борьба, — борьба, какія были въ то время не рѣдкость у Лифляндскихъ рыцарей, иногда изъ-за пустяковъ.

А Гадобара и взятыхъ въ плѣнъ рыцарей павели въ замокъ и посадили подъ сильную стражу.

Глава II.

Находка Трейденой Май-Розы.

Хотя непріатель долго боролся на жизнь и смерть, и хотя въ борьбѣ доказаль львинную храбрость, но плѣннымъ не жилось такъ плохо, какъ они думали.

Радивиль приказаль представить себѣ Гадобара и началъ говорить такъ:

«Другъ и братъ! Очень сожалѣю, что сегодня лилось столько крови. Сожалѣю очень также, видя тебя въ такомъ незавидномъ положеніи. Но желаю тебя сейчасъ освободить, если ты обещаешь возвратитъ туземцамъ насильно отобранныхъ дѣвъ и юношей. Я знаю, что этимъ ты желаешь служить святому дѣлу, но христіанство не допускаеть, даже запре-

щаетъ, такіа кривыя, невѣрные пути. Если ты исполнишь мое требованіе, я подарю тебѣ и твоимъ рыцарямъ свободу и возвращаю этотъ замокъ. Умоляю тебя, сдѣлай это и ты останешься цѣль и невредимъ.

Гадобаръ глубоко вздохнулъ.

Въ его груди бушевала сильная буря.

Видно было, что онъ боролся съ собою.

Вѣжливость и честность побѣдителя его очень тронули.

Онъ понемножку началъ убѣдиться, что Радивиль началъ съ нимъ борьбу не изъ-за богатства и чести, а только желая служить доброму дѣлу.

Его голова медленно опускалась на грудь, а Радивиль смотрѣлъ на него широко раскрытыми глазами, ожидая на отвѣтъ своего высокаго плѣнника.

Наконецъ Гадобаръ поднялъ гордо голову и его взглядъ встрѣтилъ взглядъ Радивила.

— Радивиль, — сказалъ онъ возбужденнымъ голосомъ, — я уже давно считаю тебя человѣкомъ высокой чести, и теперь я удостовѣрился, что ты не началъ этой ужасной борьбы для своей выгоды, а только изъ своей увѣренности, и потому я хочу исполнить сейчасъ твою волю. Я счастливъ, что могу тебѣ выдать упомянутыхъ дѣвъ и юношей. Эти молодые люди все еще находятся въ моемъ замкѣ. Возьми ихъ и передай ихъ приближеннымъ.

Радивиль вскочилъ со своего стула.

Въ его глазахъ блистали слезы радости.

— Спасибо, братъ, — сказалъ онъ нѣжнымъ, тронутымъ голосомъ, — съ этой минуты ты опять свободенъ, ступай и скажи это своимъ друзьямъ и рыцарямъ. Всетаки я на тебя наложу маленькое наказаніе: прикажи угостить моихъ оставшихся людей, прежде чѣмъ оставяемъ твой замокъ. Они устали до смерти. — Ступай и приходи обратно ко мнѣ и прикажи принести какое нибудь угощеніе.

— Вина въ моихъ погребяхъ достаточно, — хватить для твоихъ людей, хватить и для насъ. Мои рыцари будутъ слушать твоимъ героямъ и потомъ будутъ выпить на вѣчное братство, — пояснилъ Гадобаръ.

Такъ и было сдѣлано.

Черезъ нѣкоторое время раздалооь веселое ликованіе въ замкѣ Трейдень. Ъли, пили, говорили и смѣялись; забыта была вражда и вмѣсто ея явились дружескія отношенія, всѣ весело бродились.

Но пока тутъ царствовали радость и ликованіе, внизу, въ долину, были слышны стоны и вздохи раненныхъ и умирающихъ.

Они были оставлены на произволъ судьбы.

Но бывають и въ такія времена ужасовъ люди, похожіе на ангеловъ небесныхъ, и такъ случилось и теперь.

Пока оставшіяся въ живыхъ рыцари и воины въ замкѣ веселились, смѣялись и ликовали, мы видимъ, что какой то старикъ оставляетъ замокъ и медленными, разумными шагами шагаетъ съ крутой горы замка внизъ и отправляется въ сторону мѣста ужасной борьбы, которое покрыто сплошь убитыми и ранеными, изъ которыхъ тѣ, которые еще умѣли нѣсколько силъ, полѣзли въ сторону рѣки Аа, желая утолить нестерпимую жажду или сдѣлать конецъ своимъ мучительнымъ страданіямъ и искать себѣ навсегда могилу въ холодныхъ волнахъ.

Этотъ былъ писарь замка Трейдень, старый Грейфъ. Въ лѣвой рукѣ онъ несъ корзину съ виномъ, хлѣбомъ и другими припасами, а въ правой матерію для перевязки ранъ. Онъ хотѣлъ кое сколько уменьшить страданія ближнихъ и осушить слезы, гдѣ это было еще возможно. Онъ тамъ посѣщалъ раненныхъ, какъ милосердный Самаритянинъ и помогалъ всякому сколько могъ и умѣлъ, не спрашивая, есть ли страдалецъ рыцарь замка Трейдень, или изъ воиновъ враговъ. Всюду были видны жертвы смерти и потому старику было работы полная рука, и луна лила серебристый свѣтъ на горы и долины, освѣщая ужасное поле борьбы, трупы и раненные и мириады звѣздъ мерцали на небѣ.

Ахъ, какое счастье онъ почувствовалъ, если кто нибудь окинулъ его благодарнымъ взглядомъ и слабымъ голосомъ его поблагодарилъ.

Наконецъ онъ усталый готовился оставить поле сраженія и пойти домой, но кое что особенное его остановило, такъ что онъ услышалъ какой то непонятный голосъ. Онъ остано-

вился как вкопанный. Вдруг онъ услышалъ плачь ребенка. Онъ пошелъ въ ту сторону, гдѣ слышенъ былъ плачь и увидалъ молодую, красивую, высшаго класса даму, убитую и въ разорванной одеждѣ рядомъ съ другими трупами. Ея правая рука обвивала шею молодого рыцаря, также мертвого, а лѣвая рука держала маленькаго ребенка, который сосалъ грудь умершей, но неудовлетворенный этимъ, плакалъ жалкимъ голосомъ. Старику это было сверхъ силъ. Старикъ начался надъ нимъ и увидалъ, что ребенокъ былъ похожъ на красивый цвѣточекъ. И хотя онъ находился на мѣстѣ ужасовъ, но объ этомъ ничего не зналъ. — Онъ положилъ въ корзину оставшіяся перевязки, взялъ ребенка на руки, прижималъ къ своей груди, поцѣловалъ и со слезами въ глазахъ положилъ въ корзину, говоря:

— Ахъ, ты мой бѣдный, милый ребенокъ, не плачь больше! Я желаю тебя кормить и воспитывать. Буду съ этихъ поръ твоя мать. Ахъ ты, мой милый, я позабочусь о тебѣ!

И онъ медленно шагалъ въ сторону замка и поднялся по крутой горѣ на верхъ, все поглядывая на корзину, въ которой спалъ маленькая сирота.

Наконецъ онъ вошелъ въ свою квартиру и обратясь къ своей женѣ, дрожащимъ, отъ части возбужденнымъ голосомъ сказалъ:

— Милая, добрая жена, опять случилось кое что, указывающее на промыслъ Божій, Богъ взялъ нѣсколько недѣлъ тому назадъ къ себѣ нашего сынишка, а теперь, иди и посмотри, что Онъ положилъ мнѣ эту ночь въ корзину: маленькую, милую Фигурку.

Старуха отъ удивленія и радости не знала, что сказать. Она смотрѣла полными любви глазами на маленькое, красивое, невинное созданіе; но когда она узнала, гдѣ и въ какихъ обстоятельствахъ ея добрый и честный мужъ нашелъ ребенка, тогда на ея глазахъ блеснули слезы и падали на маленькую дѣвочку и она сказала: — Хорошо, хорошо, мой милый старичекъ, теперь у меня будетъ дочка; Божья воля для насъ святая и мы не смѣемъ ей сопротивляться.

Говоря это, она взяла дѣвочку изъ корзины, поцѣловала нѣсколько разъ и положила въ своей мягкой постели.

Маленькая открыла свои милые глаза, посмотрѣла на привѣтливое лицо жены Грейфа и нѣсколько разъ улыбулась, за что сердце честной старушки ликовало.

Оба старики хотѣли воспитывать эту маленькую, красивую дѣвочку и заботиться о ней, какъ о своемъ ребенкѣ.

Между тѣмъ дѣвочка закрыла глазки и спокойно заснула, незная, что потеряла свою мать въ ужасной борьбѣ, незная также, какая судьба ожидаетъ ее.

Старый Грейфъ хотѣлъ найти родителей ребенка, особенно его родственниковъ, но никто не зналъ сказать, какъ ихъ зовуть и гдѣ они проживаютъ; а мы всетаки знаемъ имена родителей, Вилибальда и Шарлоты, которыхъ видѣли на дворѣ замка Трейденъ, при приготовленіи къ борьбѣ, разговаривая, а которыя оба пали въ долину «Мясниковъ», на страшномъ полѣ сраженія. Но откуда была эта чета и къ какому классу принадлежала, того еще по сегодня никто не знаетъ.

Въ то время, когда жена Грейфа заботилась о ребенкѣ, рыцары ѣли и пили, ликуя какъ на свадьбѣ, забывая ужасы прошлаго дня.

На другой день непріятель покинулъ замокъ Трейденъ и брали собою дѣвъ и юношей туземцевъ, которыя радовались, что возможно было возвратиться къ своимъ ближнимъ, а погреба Гадбара были опустошены, а также убито нѣсколько быковъ, чтобы непріятеля угостить свѣжимъ мясомъ.

Кромѣ того было убито много доблестныхъ рыцарей, не только мечамъ, длинными пиками и топорами, а также дубинами и еловыми палками туземцевъ, которые еще лежали непохороненные по всей долину «Мясниковъ».

Говорятъ, что погребеніе ихъ длилось три дня.

Но пока это все случилось, старому Грейфу случилась опять непріятность. Онъ не зналъ, окрещена ли маленькая или нѣтъ?

Наконецъ оба старички рѣшили, что слѣдуетъ совершить крещеніе. Но такъ что кирка Трейдена сгорѣла, то дѣвочку крестили въ киркѣ Лодыгера и ея пріемные родители дали ей имя Май-Роза, потому что ее нашли мая мѣсяца.

Дѣтство и юношество Май-Розы.

Въ жизни человѣка только разъ улыбается радость и счастье, и это дѣтство и юношество.

Какъ всѣ люди, такъ и Роза пережила эту красивую, незабвенную эпоху. Ай, и ея дѣтство было конечно прекрасное и счастливое. Старые Грейфы заботились о ней, какъ о своемъ ребенкѣ. И чтобы ей не быть одинокой, они приняли дѣвочку родственниковъ — Гермину.

Такъ у Розы была также сестренка, вмѣстѣ съ которою она играла и бѣгала по красивому парку замка. Всѣ окрестности приняли совсѣмъ другой видъ, ужасныя войны прекратились и по горамъ и долинамъ Лифляндской Швейцаріи царствовали миръ и спокойствіе, а надъ крутою горою замка Трейденьъ величественно и гордо возвысилась неприступная башня.

Въ такое мирное время прошло дѣтство Розы, — ея юношество, и самое прекрасное и хорошее было то обстоятельство, что старики Грейфъ старались ее воспитывать въ духѣ цѣломудрія и богобоязливости. Мѣстный пасторъ, который стариковъ Грейфъ часто посѣщаль, потому что онъ ихъ уважалъ за ихъ доброту и честность, весьма любилъ Розу и давалъ ей хорошіе совѣты на путь жизни.

Такое было дѣтство и юношество Розы. —

Говорять: какими бываютъ твое сердце и душа, такимъ будетъ твой внѣшній видъ, твое лицо.

Эти слова вполне оправдали внѣшній видъ Розы.

Ея чистая, богобоязливая душа отразилась на ея лицѣ. Роза была самая красивая дѣвушка, не только въ замкѣ Трейденьъ, но и по всей окрестности. Всѣ, которые ее видѣли, смотрѣли на красивую, нѣжную дѣвушку долго, долго, широко открытыми ртами и полными удивленія глазами. Ея красота въ первую минуту встрѣчи покорила сердце людей, все равно, были они старые или молодые, богатые или бѣдные, изъ высшихъ классовъ или изъ низшихъ.

Но не только ея красота околдовала людей Трейдена и окрестности, а больше еще ея доброта и чистота ея сердца.

Милосердіе Розы было извѣстно далеко.

Гдѣ только она видѣла несчастье и горе, тамъ она была добрымъ ангеломъ и помогла всѣми силами.

Она слушала своихъ пріемныхъ родителей и часто говорила:

— Милая мамаша, теперь я уже взрослая, теперь уже тебѣ не слѣдуетъ работать и трудиться. Теперь и возьму всѣ труды на свои плечи.

И она сдержала свое слово.

Не удивительно, что потому ей было много поклонниковъ. Многіе женихи просили ея руки, хотѣли на ней жениться, многіе изъ нихъ были богаты и высокаго происхожденія, но Роза имъ вѣжливо пояснила, что не желаетъ выйти замужъ, такъ что не желаетъ разлуки со своими любимыми родителями. Кромѣ того она думала, что придетъ время и самъ Богъ дастъ ей хорошаго мужа.

Глава IV.

Викторъ Гейль.

Въ Германіи, въ гористой, красивой мѣстности, жилъ богобоязливый, зажиточный человекъ со своею семьею, съ сыномъ Викгоромъ.

Говорять, что уже дитя доказываетъ, какое оно будетъ мужчиною, и эти слова исполнились у Виктора. Онъ съ малыхъ лѣтъ оказался даровитымъ и потому отецъ весьма заботился, чтобы дать образованіе своему сыну.

И когда сынъ выросъ и былъ уже красивый и статный юноша, тогда отецъ имѣлъ радость, такъ что сынъ поступилъ въ Тюбингенскій университетъ въ юридическій факультетъ.

Но тутъ случилось большое, непредвидѣнное горе.

Богатство отца пожралъ пожаръ и тотъ померъ съ горя и недолго послѣ того умерла его добрая, заботливая мать.

Викторъ остался теперь одинъ на свѣтъ. Бѣдность заставила его оставить университетъ и кое что предпринять. А что? этотъ былъ важный вопросъ для молодого человѣка. Къ счастью одинъ изъ родственниковъ взялъ его къ себѣ и научилъ садовникомъ. И когда онъ доказалъ, что знаетъ вполнѣ свое ремесло, тогда по привычкѣ того времени онъ долженъ былъ путешествовать и жить нѣкоторое время у другихъ садовниковъ, чтобы усовершенствоваться въ своихъ знаніяхъ. Это путешествіе имѣло для него большое значеніе. Онъ радовался этому еще потому, что теперь имѣлъ возможность увидѣть свѣтъ. Онъ пребывалъ во многихъ городахъ и окрестностяхъ Германіи и много приобрѣлъ отъ этого, а потомъ отправился дальше на сѣверъ, будто зная, что тамъ найдеть новую звѣзду надежды, новое счастье. Онъ все путешествовалъ, пока попалъ въ Лифляндію, гдѣ онъ нечаянно узналъ о красотѣ Май-Розы замка Трейдень, о ея добротѣ, красотѣ, богобоязливости и состраданія къ ближнимъ и какая то внутренняя сила влекла его въ замокъ Трейдень и онъ думалъ: — Я долженъ увидѣть это прекрасное существо, о которомъ говорить весь свѣтъ. Я долженъ отправиться въ замокъ Трейдень; можетъ быть, что тамъ найду новое счастье, новую радость.

И онъ шелъ дошелъ, пока не былъ у своей цѣли. Ахъ, и когда онъ увидѣлъ башни и стѣны замка Трейдень, какъ сильно забилось его сердце, хотя онъ не зналъ изъ за чего. Только то онъ понялъ, что въ его груди мѣнялись надежды съ сомнѣніями и радость съ печалью.

Наконецъ онъ находился у воротъ замка Трейдень, постучался и просилъ, чтобы его впустили.

Его встрѣтилъ статный рыцарь, спрашивая, отъ куда онъ, на что Викторъ отвѣчалъ:

— Изъ Германіи.

— А какая ваша цѣль?

— Ищу мѣсто садовника.

— Мѣсто садовника? — повторилъ рыцарь; — мнѣ кажется, что вы родились для чего нибудь лучшаго, нежели, чтобы сдѣлаться простымъ садовникомъ. Не шпионъ ли вы?

— Нѣтъ, я не шпионъ, отвѣчалъ смѣло Викторъ, — мои документы докажутъ, что я честный человѣкъ.

— Покажите мнѣ ихъ.

Викторъ послушалъ, вынулъ изъ кармана свои документы и подалъ молодому рыцарю, который внимательно ихъ пересмотрѣлъ.

Наконецъ онъ кончилъ чтеніе, отдалъ бумаги обратно Виктору и вѣжливымъ голосомъ сказалъ:

— Вы сказали правду, только сожалѣю, что сейчасъ нѣтъ нашего милостиваго господина Гадобара дома, такъ что безъ него вы не можете ничего узнать. Но обратитесь къ нашему старому писарю Грейфу, можетъ быть, что ему возможно будетъ вамъ кое какъ помогать; но берегитесь, что не полюбите его красивую дочь, — говорилъ онъ, улыбаясь.

Викторъ потупился.

Слова рыцаря напомнили то, что онъ теперь къ существу, о которомъ такъ много слышалъ и думалъ, очень близко.

Рыцарь замѣтилъ смущеніе молодого человѣка и подалъ Виктору руку, говоря:

— Простите, что я немножко пошутилъ; я конечно не сдѣлалъ бы этого, еслибы вы мнѣ понравились и еслибы я васъ не уважалъ. Вы красивый мужчина и кто можетъ знать, кого выберетъ красавица нашего замка себѣ въ мужа, сердце которой до сихъ поръ никому не удалось покорить.

Викторъ покраснѣлъ до ушей; а рыцарь сказалъ:

— Пойдемъ, я вамъ покажу, гдѣ живетъ Грейфъ.

Они оба прошли обширный дворъ замка и отправились къ тому человѣку, у котораго онъ надѣялся найти то существо, ту дѣвушку, которую онъ часто видалъ во снѣ и ради которой онъ пришелъ въ замокъ Трейденъ.

Глава 5.

Встрѣча Виктора и Розы.

Когда человѣкъ приближается къ двери, за которой надѣется найти и увидѣть любимое, прекрасное существо, которое,

Замки Лифляндской Швейцаріи.

такъ сказать, уже передъ этимъ завоевало его сердце, тогда его душа трепещетъ и то же самое было также съ Викторомъ, когда онъ стоялъ у двери стараго Грейфа, за которой онъ надѣялся увидѣть Трейденскую дѣву, прекрасную Май-Розу.

Нѣсколько разъ онъ протянулъ правую руку, желая постучить въ дверь, и нерѣшительно остановился. Непривычное чувство наполнило его душу. Ему показалось, какъ будто онъ находится у воротъ рая, которыя должны сейчасъ открыться и впускать его въ пристань счастья и радости.

Наконецъ онъ рѣшился и постучалъ.

Онъ услышалъ медленные, длинные шаги и глухой голосъ сказалъ за дверью: — Войдите!

Дверь вмгъ открылась и Викторъ стоялъ передъ старымъ Грейфомъ.

Старикъ смотрѣлъ добродушно на молодого человѣка. Старикъ читалъ на лицѣ Виктора, что этотъ юноша имѣетъ чистую непорочную душу.

Онъ пригласилъ Виктора сѣсть, а самъ остался стоять.

— Скажите мнѣ, господинъ, чѣмъ могу вамъ служить? — спросилъ онъ.

— Прежде всего ничѣмъ, — сказалъ Викторъ. — Благодарю васъ, за вашу привѣтливость; потомъ у меня будетъ до васъ просьба.

Говоря эти слова, онъ смотрѣлъ кругомъ, а та, которую онъ желалъ увидѣть, не была тутъ, и вышла прогуливаться въ паркѣ.

— Хорошо, хорошо, господинъ, — сказалъ Грейфъ, — времени довольно. Но скажите мнѣ, откуда вы, и гдѣ ваше отечество?

— Я изъ Германіи, гдѣ также и мое отечество, — отвѣчалъ Викторъ.

— А, — сказалъ Грейфъ, — такъ я и сейчасъ подумалъ, какъ только васъ увидалъ. Такъ вы изъ Германіи и нѣмецъ.

Въ эту минуту открылась дверь и похожее на ангель существо явилось въ комнату. Виктора вполне очаровала ея красота, а Роза также потупилась, такъ что до сихъ поръ никогда еще ни видала такого красиваго юношу, какъ этотъ Викторъ. Ея сердце встрепенулось при видѣ его. Всетаки

она подала прилично ему руку и привѣтствовала его сердечно и душевно, хотя и сама покраснѣла.

Викторъ разсказаль этимъ добрымъ людямъ про свою жизнь и кончилъ слѣдующими словами:

— Теперь я вамъ сказалъ все, а теперь прошу вашей помощи, найти участокъ земли, который я могъ бы превратить въ красивый, цвѣтушій садъ. Я не желаю вернуться въ Германію, хотя она мнѣ дорога и мила, всетаки мнѣ кажется, что судьба рѣшила мнѣ оставаться тутъ, и мое сердце не разрѣшаетъ мнѣ оставить этотъ уголокъ!

Роза, слыша слова Виктора, радостно посмотрѣла на свою мать и улыбнулась, такъ что она чувствовала, что молодой, красивый человѣкъ ей нравится и что онъ завоеваль ея сердце. Она посмотрѣла на Виктора полными любви глазами и на ея розовыхъ губкахъ показалась счастливая улыбка.

Все это весьма смутило Виктора.

А старики Грейфъ весьма хорошо видѣли смущеніе молодого, статнаго человѣка и также улыбались. Они видѣли, что ихъ дочь любитъ его. Наконецъ они просили Виктора къ столу.

Послѣ обѣда Грейфъ сказалъ: — Вы мнѣ сказали, что желаете получить мѣсто садовника, или участокъ земли, который вы желаете превратить въ цвѣтушій садъ, и я очень радъ за это. Хорошо, я надѣюсь, что вамъ удастся найти такое мѣсто въ Зегевольдѣ, такъ что за стѣнами замка есть опустошенный уголокъ, который раньше былъ весьма прекрасный, а теперь похожъ на пустыню. Я твердо вѣрю, что собственникъ Зегевольда дастъ вамъ этотъ уголокъ и приметъ васъ садовникомъ, такъ что онъ большой другъ цвѣтовъ и красивыхъ растений. Идите смѣло туда. Я желаю со всего сердца, чтобы вамъ все удалось хорошо, такъ, чтобы мы могли жить по сосѣдству, понятно, въ хорошихъ отношеніяхъ. А все это вы можете сдѣлать завтра. Эту ночь вы оставайтесь у насъ и отдохните хорошенько отъ трудной дороги.

Виктору эти слова были очень кстати, такъ что онъ надѣялся уловить минуту, чтобы поговорить съ Розою и будетъ по близости къ ней.

И такъ и случилось.

Викторъ уловилъ минуту для разговоръ съ Розою и взгляды ихъ встрѣтились и ихъ сердца слились въ одно цѣлое.

Наконецъ, пожелая другъ другу спокойной ночи, ложились спать.

Въ замкѣ Трейденъ и ея окрестностяхъ теперь царствовала глубокая тишина, а не такъ было въ душѣ Виктора, въ которой бѣшевала буря любви, первый разъ въ жизни. Роза, красивая Роза, была передъ его глазами — онъ ее любилъ горячо, страстно и не могъ ни на минуту заснуть.

И что же тутъ сказать?

Да, больше ничего, какъ только:

Что любовь всемогуща. Эта сила превышаетъ все другія силы, можетъ побѣдить сильнаго и слабого. Эта сила можетъ сдѣлать людей похожихъ на ангеловъ; но многимъ она даѣлетъ сѣдые волосы и блѣдныя, исхудалыя лица. — Ахъ, и хорошо тѣмъ людямъ, которымъ она оказывается благотворительна и благожелательна. Хорошо тѣмъ, для которыхъ она открываетъ ворота рая и даетъ вѣчное счастье и вѣчную радость. — И эта сила Виктору оказалась добротворительной и доброжелательной и онъ чувствовалъ, что любовь принесетъ ему счастье и потому онъ не горевалъ, что любовь забрала его въ своихъ объятіяхъ.

Но съ Розою не было лучше. Она также первую ночь жизни не могла заснуть. Передъ ея глазами также все время былъ Викторъ. Она также чувствовала, что этотъ молодой, красивый мужчина будетъ тотъ, которому она должна принадлежать на вѣки. Но надъ людьми есть сила выше ихъ помысловъ, и эта сила всегда останется для людей загадкой и намъ всегда останется неизвѣстенъ промыслъ Божій.

Глава 6.

Гротъ Виктора.

Кто когданибудь былъ въ Лифляндской Швейцаріи и ходилъ по ея красивымъ горамъ и долинамъ, тотъ навѣрное

видѣлъ недалеко отъ замка Трейденъ, въ скалахъ небольшой гротъ, который еще по сегодня называется гротомъ Гутмана и будетъ называться такъ долго, какъ долго будутъ пѣть соловьи о судьбѣ Трейденской Розы и пока рѣка Аа будетъ протекать тамъ и такъ долго, пока будутъ стоять высокія скалы, въ которыхъ онъ находится и пока еще изъ его стѣнъ будетъ струиться чистая вода, образуя красиваго источника, воды котораго льются въ сторону рѣки Аа. Этотъ гротъ какъ созданъ для любящихъ. Въ этомъ гротѣ Викторъ и Роза по вечерамъ встрѣтились. Чуть только солнце зашло, Викторъ спѣшилъ изъ Зегевольда, гдѣ онъ состоялъ садовникомъ, въ вышеупомянутый гротъ, гдѣ онъ встрѣтилъ свою горячо любимую Розу и вмѣстѣ слушалъ пѣсни соловей, — въ то время, какъ луна лила серебристый свѣтъ надъ горами и долинами Лифляндской Швейцаріи.

А Викторъ, желая сдѣлать для своей любимой особую радость, началъ вырубить другой гротъ поменьше перваго, который скоро былъ готовъ, онъ украсилъ его красивыми, душистыми цвѣтами, въ радость своей дорогой невѣстѣ и въ знакъ любви къ ней. Въ этомъ гротѣ онъ вырубилъ также свое имя и имя Розы, почему и этотъ гротъ прозванъ гротомъ Виктора. Гдѣ онъ находился въ дѣйствительности, хорошо неизвѣстно, но кажется, что по правой сторонѣ отъ большого грота, немножко на верху, гдѣ и теперь еще есть небольшая выбоина, которая называется гротомъ Виктора. Понятно, что изъ этого грота хорошо былъ виденъ замокъ Зегевольдъ, горы Зегевольда, а также долина рѣки Аа. — Въ этомъ же самомъ гротѣ Роза по вечерамъ ожидала своего любимаго Виктора и со своей сестренкой, которая ее сопровождала, сидя радомъ, слушала пѣсни соловей и журчаніе источника. Здѣсь они отдались своей любви и хотѣли оставаться вѣрными другъ другу до самой смерти. Ахъ, съ какою радостью они смотрѣли на будущее, это нельзя выразить ни какими словами,

Но, ахъ, какъ часто мы думаемъ о счастливой жизни и подъ конецъ оказываемся въ могилѣ.

Адамъ Якубовскій и Петръ Скудринъ.

Какъ мы уже раньше видѣли, Роза выросла въ такое время, когда около Трейдена больше не бушевали борьбы, и когда царствовали миръ и спокойствіе въ горахъ и долинахъ Лифляндской Швейцаріи. Но неслѣдуетъ думать, что Лифляндія уже была совсѣмъ вычищена отъ враговъ и что тамъ больше не воевали, нѣтъ, вовсе нѣтъ; а какъ уже сказано въ предисловіи, то многіе повелители Европейскихъ державъ хотѣли ее завоевать и присоединить къ своимъ владѣніямъ, такъ что войны не прекратились въ этой богатой землѣ. Борьбы происходили около города Риги и другихъ большихъ и маленькихъ городовъ. Потому неудивительно, что по этой губерніи шаталось много бѣглецовъ и разбойниковъ, которые или сдѣлали въ свое время какое нибудь преступленіе, или боясь смерти, удрали отъ своихъ войскъ, и теперь бродили тайно кругомъ, воруя и производя грабежи. Другіе, вооруженные присоединились къ чужимъ войскамъ, или занимались чѣмъ нибудь другимъ. Если нѣкоторые и отличались честностью и прилежностью, то сдѣлались рыцарями и не рѣдко стали славными и доблестными.

И какъ въ другія мѣста, такъ и въ замокъ Трейденъ явились двое бѣглецовъ — поляки, — Адамъ Якубовскій и Петръ Скудринъ. Первый на польской службѣ дослужилъ до чина юнкера знамени, а послѣдній былъ простой солдатъ. Якубовскій долженъ былъ оставить свой полкъ за то, что далъ своему начальнику хорошую пощечину. У него товарища и преданнаго слуги Скудрина не было никакого особаго преступленія, все-таки будучи горячимъ поклонникомъ Якубовскаго, онъ послѣдовалъ за нимъ.

Долго они бродили кругомъ, занимаясь воровствомъ и грабежами, и однажды пришли въ замокъ Трейденъ, гдѣ долго умоляли Гадобара, пока тотъ принялъ ихъ на свою службу. Онъ не сдѣлалъ бы этого, но ему понравилось красивое лицо Якубовскаго. Его довольно красивое лицо, статный ростъ и ловкое обращеніе сдѣлали на Гадобара хорошее впечатлѣніе. У Скудрина тоже былъ привлекательный, симпатичный вищпнй видъ.

Такъ они теперь находились на службѣ собственника замка Трейденъ и сначала вели себя хорошо.

Но къ несчастью Якубовскій увидалъ и полюбилъ красивую Розу, красавицу замка Трейденъ и дожидался того времени, когда можно будетъ признаться ей въ любви, хотя онъ и зналъ, что она обѣщала свою руку и сердце садовнику Зегевольда, Виктору.

Такой случай не далъ на себя долго дожидаться.

Когда Роза въ одинъ прекрасный день прогуливалась по парку замка, передъ ней предсталъ Якубовскій, она сначала перепугалась и не знала, что сказать, но когда Якубовскій сталъ передъ нею на колѣни и дрожащимъ голосомъ сказалъ:

— Простите, красавица, что я осмѣливаюсь васъ потревожить, но я не могу иначе, такъ что чувствую горячую любовь къ вамъ, которая мнѣ не даетъ покоя ни днемъ, ни ночью, потому пожалѣйте меня и полюбите меня и отвергните меня, такъ что я безъ васъ не могу жить! — Умоляю, не думайте, что я хуже Виктора, у котораго нѣтъ никакой будущности, и который работаетъ какъ ничтожный рабъ въ саду замка Зегевольдъ, занимаясь ничтожными пвѣтами и растеніями. Видите, я свободный человѣкъ и рыцарь у вашего господина и могу въ счастливомъ случаѣ добыться славы и доблести, отъ которыхъ, конечно, и вы кое что унаслѣдуете.

— Якубовскій, вставайте, — сказала Роза, строгимъ голосомъ, — и не смѣйте со своею любовью мнѣ больше показаться въ глазахъ. Я, что вы, кажется, уже знаете, невѣста Виктора, и этимъ уже все сказано. Прошу, оставьте меня сію минуту, если не желаете, чтобы я повала на помощь людей.

Якубовскій всталъ на ноги и смотрѣлъ на Розу сердито сверкающими глазами и сказалъ:

— Барышня, дай Богъ, чтобы вы не сожалѣли этихъ словъ. Но я вамъ говорю, что я для васъ и Виктора сдѣлаю такую жару, что вы этого никогда не забудете. И помните, что я сейчасъ сказалъ, вы, которая мнѣ такъ грубо отказала, какъ никогда еще ни одна дѣвушка на свѣтѣ. Прощайте и не забудете своего поклонника Якубовскаго!

Съ этими словами онъ быстро ушелъ отъ Розы и исчезъ въ кустахъ.

Роза побѣжала испуганная домой къ родителямъ, но не говорила никому о печальномъ случаѣ въ паркѣ замка.

Съ тѣхъ поръ Якубовскій и Скудринъ начали пьянствовать, не исполнили своихъ обязанностей и когда на конецъ Гадобару начали на нихъ жаловаться, тогда онъ ихъ выругалъ и уволилъ со службы.

Послѣ того они начали воровать и грабить и угрожали всей окрестности.

Днемъ они бродили по лѣсу, а по ночамъ жили нѣсколько верстъ отъ замка Кременъ, въ такъ называемомъ гротѣ Черта.

Глава 8.

Обманъ.

Было красивое утро іюля мѣсяца, когда Роза вышла и весело слушала чириканье птицъ. Особенно сегодня она была счастлива, такъ что ея любимый, ея женихъ вчера ей въ гротѣ Гутмана сказалъ:

— Дорогая, скоро, скоро мы будемъ счастливы, такъ что я тебя поведу къ вѣнцу, гдѣ пасторъ насъ соединитъ на вѣки. Ай, какъ это будетъ хорошо, когда ты будешь моею.

Эти слова были для Розы пріятнѣе лучшей музыки.

— Да, да, мой дорогой Викторъ, — сказала она тихо, — твоя, твоя вѣчно! Твоя живая, твоя мертвая! Викторъ, я сдѣлаю тебя счастливой, и ни одна женщина не будетъ превосходнѣ меня. — Съ нетерпѣніемъ я ожидаю минуту, когда будетъ наше бракосочетаніе.

Но пока сердце ея ликовало, въ замокъ Трейденъ явился посланный, который искалъ Розу. Когда онъ ее встрѣтилъ, то серьезнымъ голосомъ сказалъ: — Многоуважаемая барышня, я вамъ принесъ привѣтъ отъ господина Виктора Гейля и миѣ приказали сказать, что онъ вечеромъ не будетъ въ упомянутомъ гротѣ васъ встрѣтить, такъ что онъ послѣшно долженъ уѣхать изъ Зегевольда. Но если вы желаете, то

придите сегодня обѣдомъ, въ двѣнадцать часовъ въ гротъ Гутмана, гдѣ онъ желаетъ васъ встрѣтить въ послѣдній разъ.

Это извѣстіе было для Розы какъ ударъ молніи изъ безоблачнаго неба. Она чуть не упала въ обморокъ. Развѣ такая была любовь Виктора? Развѣ такое было святое обѣщаніе? Развѣ такъ онъ исполнилъ обѣщаніе соединиться съ ней? — Гдѣ теперь была его чистая, святая любовь? На это горестное извѣстіе она не знала ничего сказать. Удивительно, — весьма удивительно! — Развѣ Викторъ въ дѣйствительности хотѣлъ ее покинуть? Она все-таки сказала, что въ означенное время будетъ въ гротъ.

Когда посланный получилъ этотъ отвѣтъ, то послѣшно ушелъ, а Роза его сопровождала грустнымъ взглядомъ и ея глаза наполнились горькими слезами.

— Викторъ, мой дорогой Викторъ, — говорила она печальнымъ голосомъ, — развѣ ты дѣйствительно желаешь меня покинуть? — Викторъ, развѣ ты хочешь меня оставить? Развѣ ты дѣйствительно долженъ такъ скоро уѣхать на вѣки? Ахъ, какъ я ожидаю часъ, когда возможно будетъ встрѣтить его! Ахъ, мой дорогой, мой единственный, ожидай свою Розу, которая тебя любитъ больше всего на свѣтѣ и изъ за тебя, согласна лечь въ могилу! —

Ахъ, какое горе первый разъ въ жизни вкралось въ сердце Розы, ея глаза наполнились слезами и ея душа печалю. Она содрогалась, когда подумала, что должно будетъ это сказать своими добрыми родителями. Но этого нельзя было миновать.

Но старики Грейфъ были разумные люди. Они Розѣ не запретили пойти въ гротъ, они даже сказали:

— Ступай, Роза, ступай, и ты увидишь, говоритъ ли правду посланный. Можетъ быть, что все это только пустяки и можетъ быть, что Викторъ объ этомъ ничего не знаетъ; потому, дочь, ступай и уповай на Бога.

Приблизилось время обѣда.

Роза приготовилась отправиться въ гротъ. А какъ? —

Она хотѣла послѣдній разъ показаться Виктору красивой и надѣла голубое, шелковое платье, украшенное цвѣтами, при томъ говоря:

— Невѣста должна оставаться невѣстою. хотя бы ей и ложиться въ могилу.

И она одѣвалась такъ, будто бы должна была сегодня пойти къ алтарю.

Наконецъ она взяла красный, шелковый, носовой платокъ, подаренный ей нѣсколько дней тому назадъ Викторомъ, и осматривала его серьезнымъ лицомъ.

— Платокъ пригодится мнѣ, чтобы осушить слезы: при томъ онъ мнѣ напомнитъ, что я ему останусь вѣрной до самой смерти.

Въ платкѣ были вышиты слова: — Будь вѣрна до смерти!

Послѣ того она въ сопровожденіи своей сестренки пошла въ знакомый намъ гротъ.

Но ея овладѣло какое то безпокойство. Она чувствовала какъ большая преступница, которая отправляется на мѣсто казни. Она чувствовала, какъ цвѣтокъ, цвѣты котораго испортилъ злой морозъ. Она повернулась нѣсколько разъ кругомъ и смотрѣла на замокъ, будто бы желая послать прощальный привѣтъ своимъ родителямъ, пріятельницамъ и самому замку. Она шла медленно по цвѣтущей долинѣ рѣки. Аа и ея красивая головка грустно опускалась на грудь. Ей все показалось тяжкимъ кошмаремъ. Она шла, не зная, что найдетъ преждевременную смерть. Ахъ, и она видѣла, что небо открылось и ангелы сошли внизъ и печально смотрѣли на нее. Потомъ ей показалось, будто бы раздались звуки колоколовъ и похоронныя пѣсни, сопровождаемая гвалтнимъ плачемъ и стопами.

Она помолилась Богу и зашагала быстрѣе, шепча при себѣ:

— Чего дрожишь, сердце? — Не бойся ничего. — Не бойся, что слезы мѣняются съ печалью и горемъ, что тебѣ

кажется, что твое счастье разсыялось, что жестокая судьба испортила твое счастье и радость, самъ Богъ охраняетъ тебя съ своею любовью.

Да, Роза была одна чистота и богобоязливость, потому и она уповала на Всемогущаго, на Того, Который правитъ міромъ. Потому и она думала:

— Да будетъ, что будетъ, Богъ не оставитъ меня и не дастъ мнѣ пропадать, а поможетъ оставаться вѣрной до самой смерти.

И такъ она вошла въ гротъ Гутмана, пока ея сестренка пошла по долину и рвала цвѣты, которыми укрощать сестру, какъ всегда. Но когда Роза не видѣла нигдѣ Виктора, она ужасалась въ глубинѣ души и ея уста шептали:

— Ахъ, мой дорогой, мой единственный Викторъ, можетъ быть ты уже далеко! Викторъ, развѣ ты меня дѣйствительно обманулъ? Можетъ быть, что ты меня покинулъ и я должна буду вѣчно горевать. А все-таки нѣтъ, Викторъ, ты не можешь быть такимъ злымъ и жестокимъ, ты не умѣешь врать, ты не увидишь ложь и лицемеріе, потому я буду дожидаться терпѣливо на тебѣ, пока ты придеши и успокоишь меня. — Прийди, прийди, я желаю прислониться къ тебѣ и позабыть горе и ужась. Прийди, прийди.

Вдругъ она услышала шаги, но боязливые, нерѣшительные, чужіе, будто бы приближался какой нибудь дикій звѣрь. А это не былъ звѣрь, но дьяволъ въ человѣческомъ видѣ. Дорогая дѣвушка, этотъ дьяволъ въ видѣ чловѣка, желаетъ отнять у тебя самое драгоценное, твою невинность и въ этомъ храмѣ любви пролить твою чистую, невинную кровь.

Она хотѣла послѣдній разъ показаться Виктору красивой и надѣла голубое, шелковое платье, украшенное цвѣтами, при томъ говоря:

— Невѣста должна оставаться невѣстою. хотя бы ей и ложиться въ могилу.

И она одѣвалась такъ, будто бы должна была сегодня пойти къ алтарю.

Наконѣцъ она взяла красный, шелковый, носовой платокъ, подаренный ей нѣсколько дней тому назадъ Викторомъ, и осматривала его серьезнымъ лицомъ.

— Платокъ пригодится мнѣ, чтобы осушить слезы: при томъ онъ мнѣ напомнитъ, что я ему останусь вѣрной до самой смерти.

Въ платкѣ были вышиты слова: — Будь вѣрна до смерти!

Послѣ того она въ сопровожденіи своей сестренки пошла въ знакомый намъ гротъ.

Но ея овладѣло какое то безпокойство. Она чувствовала какъ большая преступница, которая отправляется на мѣсто казни. Она чувствовала, какъ цвѣтокъ, цвѣты котораго испортилъ злой морозъ. Она повернулась нѣсколько разъ кругомъ и смотрѣла на замокъ, будто бы желая послать прощальный привѣтъ своимъ родителямъ, пріятельницамъ и самому замку. Она шла медленно по цвѣтушей долигѣ рѣки. Аа и ея красивая головка грустно опускалась на грудь. Ей все показалось тяжкимъ кошмаремъ. Она шла, не зная, что найдетъ преждевременную смерть. Ахъ, и она видѣла, что небо открылось и ангелы сошли внизъ и печально смотрѣли на нее. Потомъ ей показалось, будто бы раздались звуки колоколовъ и похоронныя пѣсни, сопровождаемыя гвалнимъ плачемъ и стопами.

Она помолилась Богу и зашагала быстрѣе, шепча при себѣ:

— Чего дрожишь, сердце? — Не бойся ничего. — Не бойся, что слезы мѣняются съ печалью и горемъ, что тебѣ

кажется, что твое счастье разсыялось, что жестокая судьба испортила твое счастье и радость, самъ Богъ охраняетъ тебя съ своею любовью.

— Да, Роза была одна чистота и богобоязливость, потому и она уповала на Всемогущаго, на Того, Который править міромъ. Потому и она думала:

— Да будетъ, что будетъ, Богъ не оставитъ меня и не дастъ мнѣ пропадать, а поможетъ оставаться вѣрной до самой смерти.

И такъ она вошла въ гротъ Гутмана, пока ея сестренка пошла по долину и рвала цвѣты, которыми укрощать сестру, какъ всегда. Но когда Роза не видѣла нигдѣ Виктора, она ужасалась въ глубинѣ души и ея уста шептали:

— Ахъ, мой дорогой, мой единственный Викторъ, можетъ быть ты уже далеко! Викторъ, развѣ ты меня дѣйствительно обманулъ? Можетъ быть, что ты меня покинулъ и я должна буду вѣчно горевать. А все-таки нѣтъ, Викторъ, ты не можешь быть такимъ злымъ и жестокимъ, ты не умѣешь врать, ты не увидишь ложь и лицемеріе, потому я буду дожидаться терпѣливо на тебѣ, пока ты придешь и успокоишь меня. — Прийди, прийди, я желаю прислониться къ тебѣ и позабыть горе и ужась. Прийди, прийди.

Вдругъ она услышала шаги, но боязливые, нерѣшительные, чужіе, будто бы приближался какой нибудь дикій звѣрь. А это не былъ звѣрь, но дьяволъ въ человѣческомъ видѣ. Дорогая дѣвушка, этотъ дьяволъ въ видѣ человѣка, желаетъ отнять у тебя самое драгоценное, твою невинность и въ этомъ храмѣ любви пролить твою чистую, невинную кровь.

Глава 9.

Смерть Розы.

То, что я описываю въ этой главѣ, позже удостовѣрилъ и показалъ товарищъ и пріятель Адама Якубовскаго, Петръ Скудринъ.

Негодяй, который желалъ затоптать подъ ногами честь и невинность Розы, былъ никто другой, какъ извѣстный уже намъ бѣглець и бродяга, Адамъ Якубовскій.

Когда онъ увидѣлъ Розу въ гротѣ, то его сердце ликова-ло отъ счастья и радости.

Роза, къ которой онъ пылалъ страстью, была, такъ сказать, ему въ рукахъ.

Онъ вышелъ изъ кустовъ, подошелъ къ Розѣ и сдѣлавъ нѣсколько низкихъ, полныхъ насмѣшки, поклоновъ, съ ироніей сказалъ:

— Здравствуй, красивая дѣва Трейдена, ты красивая, цвѣтущая Роза Трейдена! Ты, какъ я вижу, ожидаешь своего жениха, а онъ не придетъ и потому я займу его мѣсто! — Ай, дорогая, скажи мнѣ, почему ты дрожишь? Навѣрно тебѣ холодно? — Ну, ничего, ничего, — потерпи немножко, въ моей груди горитъ горячій огонь любви, у котораго тебѣ возможно будетъ согрѣться! Подходи поближе, мой дорогой, красивый цвѣтокъ! У моей груди тебѣ будутъ цвѣсти цвѣты красивѣе тѣхъ, которыхъ ты держишь въ своей рукѣ, цвѣты моихъ поцѣлуевъ. Иди и подай мнѣ свою бѣлую ручку, чтобы я могъ тебя поцѣловать въ знакъ того, что ты принадлежишь мнѣ и никому другому! Ахъ, счастье, ахъ, радость, быть съ тобою наединѣ, ничего не значить, что мой товарищъ и вѣрный слуга тутъ по близости, ты знаешь, что слуга не смѣетъ болтать о томъ, что дѣлаютъ ихъ господа и повелители, все равно, хорошее или плохое!

— Негодяй, — воскликнула Роза, — какъ ты смѣешь подойти ко мнѣ такими коварными и скверными словами? Уходи, прочь отъ меня! Прочь отъ меня! — Поѣзжай въ

пекло, а не тронь меня, я тебѣ вѣдь не сдѣлала ничего плохого, я готова лучше помирать, но останусь вѣрна Виктору до смерти.

— Что ты говоришь, моя дорогая, — сказала насмѣшную Якубовскій, — ты говоришь, что не сдѣлала мнѣ ничего злого? — Нѣтъ, нѣтъ, дорогая, теперь ты врешь и не говоришь правду, потому я тебѣ кое что напомнимъ. Видишь, милая, несостояль ли этотъ же самый Якубовскій на колѣни передъ тобою, когда то въ паркѣ замка Трейденъ и просилъ твоей любви? — Неправда ли? — А что ты сдѣлала, это ты знаешь лучше сама: ты мнѣ отказала и хотѣла звать на помощь. А теперь тотъ же самый Якубовскій стоитъ передъ тобою, не какъ проситель, а требуетъ твоей любви, хотя его одежда изорвалась и онъ самъ изголодался! — Иди сюда, дорогая, иди сюда и дай мнѣ сладкій поцѣлуй. Иди сюда, иди сюда! —

— Уходи, негодай! Твоя страсть сдѣлала тебя сумасшедшимъ! — Уходи отсюда и оставь меня одну!

— И не думаю это сдѣлать, — говорилъ Якубовскій, дьявольски улыбаясь. — Если ты не хочешь быть моею женою, всетаки ты можешь успокоить мою страсть. О своемъ стыдѣ и несчастьѣ ты Виктору не будешь рассказывать!

Послѣ того онъ воскликнулъ:

— Гей, Скудринь, иди сюда, мы должны связать ноги этой овецкѣ; кажется, что она будетъ брыкаться!

И онъ подбѣжалъ къ перепуганной дѣвушкѣ, а Скудринь также показался въ гротѣ.

Роза, бѣдненькая, будучи одна, скоро устала въ борьбѣ и начала жалко умолять, чтобы съ нею покончили, а Скудринь схватилъ ее за золотистые волосы и нагнулъ ея голову, къ землѣ, пока Якубовскій разорвалъ ея поясъ, при чемъ выпалъ красный, шелковый платочекъ.

Роза, увидавъ платокъ, начала жалобно умолять:

— Якубовскій, послушай, что я тебѣ скажу. Видишь, мое имущество ничтожное, а этотъ платокъ нельзя купить ни

за какія деньги, потому что имѣть удивительную силу; я подарила бы его тебѣ, еслибы ты меня отпустилъ съ честью.

Этотъ ничтожный платокъ имѣть такую силу, что того, у котораго онъ находится, нельзя ранить никакимъ мечемъ и пулей.

Якубовскій посмотрѣлъ на платокъ испытующе, а потомъ сказалъ:

— Оставь въ покоѣ меня съ такими пустяками. Если мечъ и латы не защищаютъ въ борьбѣ, то я останусь безъ головы.

Послѣ того онъ опять накинулся на свою жертву. Но Роза, видя свое несчастье, говорила:

— Слушай, Якубовскій, если ты не вѣришь, то можешь сейчасъ испробовать при мнѣ; я положу этотъ платокъ вокругъ шею и ты можешь колоть и рубить, а не увидишь ни капельки крови и я буду здорова и невредима и не почувствую ни малѣйшей боли.

Якубовскій посмотрѣлъ на платокъ и сказалъ серьезнымъ голосомъ:

— Если это правда, что ты говоришь, то эта тряпка имѣть для меня большое значеніе; ну, хорошо — попробую; — пускай будетъ, да будетъ твоя воля! — сказалъ негодяй.

Роза положила платокъ на шею и Якубовскій вынулъ мечъ изъ ноженъ и сдѣлалъ ударъ съ такою силою, что голова Розы покатила вънизъ.

А чуть только это случилось, Якубовскій содрогнулся, будто бы его ужалила змѣя.

Онъ стоялъ какъ столбъ и испуганный смотрѣлъ на свою жертву. Онъ теперь видалъ въ платкѣ совсѣмъ другую силу, которая сдѣлала Розѣ великую честь, а для него вѣчное безчестіе.

Какъ въ старину стоялъ Каинъ у трупа своего брата Авеля, такъ стоялъ Якубовскій передъ трупомъ убитой имъ дѣвушки, ломая руки. Онъ стоялъ такъ и воскликнулъ:

— Прости, прости мнѣ, дорогая! Ахъ, дорогая, незабвенная, ты пала черезъ мою руку; черезъ меня ты сдѣлалась прахомъ! Дорогая Роза, ты будешь теперь стоять передъ Вѣчнымъ Судьею! Ты спасала свою честь и этимъ потеряла свою молодую, безвинную жизнь, я хотѣлъ тебя обезпородить — Ты попадешь въ рай, а мой путь лежитъ въ адъ, гдѣ я долженъ буду мучиться! — Ахъ, еслибы я умѣлъ молиться! Но развѣ Богъ услышитъ молитву убійцы и оставитъ меня безъ суда? Нѣтъ, нѣтъ, — теперь все поздно. Мнѣ больше не улыбаются рай, его ворота для меня закрыты на всегда! — Теперь я вижу, какую силу имѣетъ этотъ платокъ, — силу, которая меня осуждаетъ на вѣки вѣковъ за мои преступленія, которыя я сдѣлалъ въ свое время. — Я не желаю больше жить на свѣтѣ, я пойду на прямую смерть. — А не, чтобы попастьъ въ рай, а въ адъ, чтобы вѣчно мучиться. Этотъ мечъ я брошу въ источникъ, а самъ покончу съ собою. — Ахъ, дорогая Роза, къ тебѣ спускаются ангелы, — они унесутъ твою душу въ рай, а служители дьявола мою душу въ адъ! — Ахъ, дорогая, какъ поблѣднѣло твое красивое лицо, ты тутъ лежишь окровавленная, истекаешь своею невинною кровью. — Да, адъ, иди, иди, я хочу тебѣ заплатить свой долгъ! А ты, Роза, отдохни сладко! — Спи сладко! —

Съ этими словами онъ схватилъ свой мечъ и держа въ руку, говорилъ:

— Въ этомъ храмѣ, холодномъ гротѣ, гдѣ раньше язычники приносили жертвы своимъ богамъ, гдѣ звонили въ колокола и трубили, а для моей жертвы не будутъ звонить въ колокола, потому желаю этотъ мечъ, мое единственное имущество, которое мнѣ осталось на свѣтѣ, я желаю пожертвовать тебѣ, прозрачный источникъ; прими ты его, котораго я уже не смѣю носить: журчи ты моей жертвѣ и Расскажи всѣмъ, которые посѣщаютъ тебя, всему свѣту о чести Розы. Расскажи всему свѣту, какъ она защищая свою честь, отдала овою невинную, молодую жизнь! — Расскажи также, милый источникъ, всѣмъ людямъ объ убійцѣ, который теперь тутъ стоитъ удрученный и бросилъ окровавленный невинною кровью мечъ въ твой серебряный волны, на вѣчную память Трейденской дѣвѣ, чтобы всѣ помнили, до чего можетъ дове-

сти страсть. Тебя тутъ никто не найдетъ и не смѣетъ найти, такъ что она святая и неприкосновенная жертва, освященная кровью этой невинной дѣвушки. А также вы, соловьи, пойте, пойте свои красивыя пѣсни на похороны Розы и въ честь ея на вѣки вѣковъ и говорите всѣмъ о ея честности, добротѣ и красотѣ. Да, оповѣщайте весь свѣтъ объ этомъ.

Послѣ этого онъ бросилъ мечъ въ источникъ, а самъ ушелъ какъ вѣтеръ. Скудрина бѣжала за нимъ, и не могъ догнать его и потерялъ Якубовскаго изъ виду. —

А когда Викторъ вечеромъ явился въ гротъ, то увидалъ свою любимую Розу убитую и окровавленную и упалъ въ обморокъ рядомъ съ Розою.

Глава 10.

Извѣщеніе Трейденскаго посланника гофгерихту.

У упомянутаго суда было полное засѣданіе, такъ что долженъ былъ разобрать удивительную загадку, которую ему предложилъ Трейденскій посланникъ слѣдующими словами:

— Высокопочтенный судъ! Вчера вечеромъ нашли въ гротъ Гутмана убитую молодую, уважаемую всѣми безвинную дѣвушку. Она была обручена молодымъ садовникомъ Зегевольда, Викторомъ Гейлемъ. Она была его невѣста. Кто убилъ ее — это загадка. Но мнѣ кажется, что Роза, такъ имя дѣвушки, не убита съ цѣлью грабежа, такъ что при ней оставлено все, хотя была разорвана ея одежда, что доказываетъ, что она оказала сопротивленіе нападающимъ. Кромѣ того оказывается, что виновникъ всего этого ея женихъ, такъ что этотъ мечъ, который окровавленный ея кровью, нашли въ гротъ. Ради этого топора можно было бы считать Виктора убійцею своей невѣсты, но такъ что онъ свою невѣсту весьма любилъ и былъ религіознаго характера, то это показыва-

ется невозможнымъ, хотя и Гадобаръ приказалъ заковать его въ кандалы и заключить въ тюрьму.

Кромъ того пояснилъ упомянутому суду, что Викторъ послалъ своей невѣстѣ извѣстіе, чтобы она пришла въ упомянутый гротъ во время обѣда, такъ что онъ долженъ оставить Зегевольдъ и простаться со своею невѣстою на вѣки, которая вещь остается невыяснимой, такъ что Викторъ вовсе не покинулъ Зегевольдъ, и если онъ хотѣлъ убить свою невѣсту, то могъ это сдѣлать не только во время обѣда, а также вечеромъ.

— Роза послушала приглашеніе Виктора и пошла во время обѣда въ гротъ, хотя была очень печальна, но все-таки пошла. Но прошло нѣсколько часовъ, а красавица не возвратилась въ замокъ Трейденъ, хотя ея родители, старика Грейфъ ее ожидали. Но тутъ случилось кое что особенное. Солнце уже было къ закату, когда Викторъ съ крикомъ прибѣжалъ въ замокъ и рассказалъ объ ужасномъ случаѣ въ гротѣ Гутмана. Но какъ только онъ увѣдомилъ объ этомъ, такъ сейчасъ послѣшили обратно въ гротъ, а мы бѣжали за нимъ и убѣдились, что онъ говорилъ чистую правду, такъ что увидали Розу въ крови съ отрубленною головою, а рядомъ съ нею этотъ топоръ. Этотъ топоръ показываетъ, что Викторъ убійца, хотя онъ до сихъ поръ былъ безпорочнымъ человекомъ.

— Высокопочтенные господа судья, это дѣло непонятное и загадочное, а я надѣюсь, что вамъ удастся найти виновника и наказать его, какъ это требуетъ законъ, потому спѣшите въ замокъ Трейденъ, лошади для васъ стоятъ уже у двери.

Глава 11.

День суда.

Ахъ, судъ, судъ, приготовься изслѣдовать трудное, загадочное, важное дѣло. Твоя задача трудная, но правда должна всегда одержать вверхъ. Викторъ сидитъ въ тюрьмѣ, и всѣ, которые его знаютъ, говорятъ:

— Онъ, невиновный! Онъ невиновный!

Мы также говоримъ высокому гофгерихту:

— Викторъ невиновный! — Викторъ невиновный!

Засѣданіе суда началось.

Залъ засѣданія былъ переполненъ людьми, особенно рыцарями замка Трейдена, между которыми были также враги и недоброжелатели Виктора, которые раньше любили Розу, но которымъ она отказала въ любви; большая часть изъ нихъ была увѣрена, что молодой человекъ, садовникъ замка Зегевольда, Викторъ виновенъ и очень желали, чтобы судъ призналъ его убійцей.

Виктора привели закованнаго въ кандалы въ залу и представили передъ столомъ суда.

Предсѣдатель суда смотрѣлъ нѣкоторое время на молодого человека съ видимымъ состраданіемъ, но серьезно и строго.

Онъ поднялъ со стола окровавленный топоръ и смотря строго на Виктора, звучнымъ голосомъ сказалъ:

— Викторъ, принадлежитъ ли этотъ топоръ вамъ, или кому нибудь другому?

— Отвѣчайте.

Но Викторъ блѣдный и потрясенный до глубины души, еле дыша, сказалъ:

— Высокопочтенный судъ, топоръ принадлежитъ мнѣ.

— А почему его нашли въ одной крови у трупа вашей вѣсты?

— Этого хорошо не знаю, можетъ быть, что онъ мнѣ выпалъ изъ рукъ, когда я попалъ въ обморокъ и упалъ у своей невѣсты.

— Ахъ такъ, можетъ быть? Викторъ, этотъ топоръ свидѣтельствуеъ, что вы убійца своей невѣсты.

— Пускай онъ свидѣтельствуеъ, что хочетъ, это мнѣ все равно. Топоръ принадлежитъ мнѣ и подъ нимъ я готовъ сейчасъ поставить свою шею, такъ что послѣ того опять увижу свою Розу. — Да, высокій судъ, этимъ топоромъ я вырубилъ гротъ для своей Розы. Этотъ гротъ я украшалъ цвѣтами. Это я сдѣлалъ изъ чистой любви къ своей невѣстѣ, съ которою хотѣлъ черезъ нѣсколько недѣль соединиться на вѣки у святаго алтара. Могъ ли я быть такимъ негодяемъ и убить топоромъ свою дорогую невѣсту и для нея вырубить, такъ сказать, могилу.

— Говорить вы умѣете, ничего себѣ, — замѣтилъ председатель суда, — а говорите мнѣ правду, отчего вы пригласили Розу, чтобы она явилась ни вечеромъ, а во время обѣда въ гротъ?

— Объ этомъ я ничего не знаю; потому и не пошелъ туда во время обѣда, но вечеромъ, какъ всегда. Когда я вошелъ туда, ай, ужасъ, моя невѣста лежала въ своей крови, а я изъ горести упалъ въ обморокъ и когда проснулся, то только увидѣлъ, что моя невѣста мертвая! — Больше я ничего не знаю.

— А гдѣ же была сестренка вашей невѣсты, которая сопровождала ее въ гротъ?

— Этого я тоже не знаю, — отвѣчалъ Викторъ.

Ясные отвѣты не понравились врагамъ его, а его друзья радовались, что загадочное дѣло кончится хорошо, но они радовались слишкомъ рано, такъ что председатель суда сказалъ звучнымъ голосомъ:

— Въ наши времена узнаютъ правду или черезъ свидѣтелей или черезъ пытокъ, и у кого нѣтъ свидѣтелей, тотъ безъ всякихъ долженъ мучиться на скамьѣ пытокъ, такъ что

законъ не знаетъ жалости, и судъ долженъ держаться на пути закона, потому слуги, возьмите и ведите этого молодого человека въ погребъ пытокъ и испытывайте порядкомъ, можетъ быть, что тогда мы узнаемъ всю правду.

А Викторъ, хотя имъ овладѣло большое горе, отвѣчалъ судьямъ смѣло и безъ занканія:

— Вы не хотите вѣрить мнѣ, и опирайтесь на законы, потому и слушайте, что я вамъ скажу: Богъ далъ людямъ святой законъ, а люди сдѣлали его твердымъ какъ сталь и тяжелымъ какъ свинець. И развѣ вы думайте, что пытками вы заставите меня, чтобы вралъ и говорилъ неправду, что я убилъ Розу, свою дорогую невѣсту.

— Нѣтъ, высокіе господа судьи, я не боюсь вашихъ пытокъ, онѣ мнѣ будутъ сладкія, такъ что послѣ того смерть меня соединитъ съ моего любимой, которая уже дожидается меня тамъ наверху! Моя невѣста пала черезъ руку убійцы, почему мнѣ тогда бояться страшныхъ орудій пытокъ?

Но прежде чѣмъ это случится, я прошу отъ васъ только одно: когда я умру, похороните насъ обоихъ въ одной могилѣ, насъ, которымъ не было рѣшено соединиться тутъ на землѣ.

Да, высокій судъ, я знаю очень хорошо, что послѣ моей смерти все выяснится. Настанетъ тотъ день, когда найдете убійцу. Но я уже чувствую, что голова моей невѣсты не пала черезъ топоръ, а черезъ мечъ. При томъ мнѣ кажется, будто бы я слышу слова: «Викторъ, видишь, твоя Роза померла потому, что ее хотѣлъ обезчестить негодяй! — Ахъ, Роза, тебѣ не долго дожидаться, пока я буду у тебя и никто не будетъ въ силахъ тогда насъ разлучить».

И теперь пойдемъ, палачъ, я не боюсь смерти, такъ что она мнѣ будетъ сладка. — Иди, палачъ, — почему ты медлишь, я готовъ страдать и умирать, чтобы мнѣ соединиться со своею незабвенною Розою!

А многіе, слыша слова Виктора, начали рыдать, такъ горячо онъ говорилъ.

И смѣлыми шагами и поднятою головою онъ послѣдовалъ за палачами, а его друзья сопровождали до погреба пытокъ.

Тутъ палачъ ему показалъ разныя орудія пытокъ, поясняя, для чего каждое служитъ. Кромѣ того онъ уговаривалъ Виктора, чтобы тотъ сказалъ правду, такъ что пытокъ не выдержалъ еще никто изъ людей. Онъ ему показалъ винты для пальцевъ, желѣзную корону съ остріями, желѣзо для ломки спиннаго хребта, грозные серпы, которые разрѣзываютъ тѣло на куски, желѣзную дѣву и тому подобныя орудія пытки, а Викторъ этому только улыбался, думая о свиданіи съ Розою!

Глава 12.

Судъ кончается.

Богъ знаетъ, что случилось бы въ комнатѣ пытокъ съ Викторомъ, если-бы не особый случай.

Въ послѣднюю минуту, когда предѣдатель хотѣлъ приказать начинать пытки, явился Галобаръ изъ замка Трейдена въ залу засѣданія и сказалъ:

— Высокій судъ, мнѣ кажется, что убійца только теперь найденъ, потому прошу васъ не спѣшить, чтобы не сдѣлали большой ошибки.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ я принялъ на свою службу двухъ польскихъ воиновъ: Адама Якубовскаго и Петра Скудрипа. Сначала они вели правильную и хорошую жизнь и исполнили свои обязанности, но потомъ они начали пьянствовать и лѣниться, почему я ихъ уволилъ со службы. Скудрипъ всетаки сейчасъ явился ко мнѣ, блѣдный какъ мертвецъ и перепуганный. Онъ мнѣ сказалъ, что его товарищъ Якубовскій убилъ Розу и не ея женихъ Викторъ.

Этотъ человѣкъ стоитъ на дворѣ, чтобы явиться къ суду, чтобы дать поясненіе по загадочному преступленію.

Понятное дѣло, что Виктора сейчасъ вывели изъ погреба пытокъ обратно въ тюрьму, пока слѣдствіе не было закончено, а Скудринъ пригласили въ залу засѣданія и предсѣдатель суда спрашивалъ его:

— Петръ Скудринъ, говори все, что ты знаешь объ убійствѣ Розы?

А вы, писари, напишите все ясно порядкомъ и правильно, чтобы узнать дѣйствительность.

Скудринъ началъ:

— Ахъ, высокій судъ, почему мнѣ не сказать все то, что я знаю по сему дѣлу, потому я вѣдь пришелъ сюда, чтобы получить заслуженное наказаніе за свои проступки и преступленія. А знаю также, что тогда, когда вамъ выскажу все, что лежитъ на моей совѣсти, мнѣ возможно будетъ немножко успокоиться. Но когда кончу, то прошу, дайте мнѣ смертную казнь, такъ что больше не желаю жить на свѣтѣ, такъ что я свидѣтель такого страшнаго преступленія, какое сдѣлалъ мой товарищъ Якубовскій въ гротѣ Гутмана, убивая Розу.

Услышавъ эти слова, судьи начали слушать внимательно, а друзья Виктора ликовали въ своихъ сердцахъ.

— Петръ Скудринъ, такъ ты показываешь, что не Викторъ, молодой садовникъ изъ Зегевольда, а Якубовскій умертвилъ Розу? — спросилъ предсѣдатель суда.

— Да, высокій судъ, такъ есть. — сказалъ яснымъ голосомъ Скудринъ.

— А почему такъ?

— Изъ любви и ревности, — былъ отвѣтъ.

— А кто такой Якубовскій и откуда вы явились? — спросилъ предсѣдатель суда.

Тогда Скудринъ пояснилъ слѣдующее:

— Видите, господа судьи, Якубовскій былъ моимъ товарищемъ по войску и мы держались вмѣстѣ, пока были на службѣ польскаго короля.

Мы служили подъ генераломъ Драмповскимъ и намъ жилось хорошо. Но хотя и мой товарищъ былъ красивый, при томъ ловкій и сильный, какъ левъ, а притомъ также хитрый, какъ лисица. И хотя съ нимъ обошлись хорошо, всетаки онъ строилъ разные безпорядки и сдѣлать неприятности своимъ начальникамъ. И когда одинъ изъ начальниковъ разъ выругалъ его, то онъ, будучи горячій человекъ, далъ тому пощечину. — Понятное дѣло, что онъ долженъ былъ бѣжать, что онъ и сдѣлалъ; но онъ не убѣжалъ одинъ, а бралъ меня собою; мы боролись съ волками и медвѣдями, также съ грабителями и разбойниками, которыхъ и теперь еще много, — пока дошли до Трейдена, собственникъ котораго насъ принялъ на свою службу. Здѣсь мой товарищъ увидалъ красавицу Розу, которую онъ страстно полюбилъ и на которой хотѣлъ жениться. Но Роза отказала ему, такъ что онъ на нее разсердился и поклялся ей отомстить и погубить ее, во что бы то это не стоило. — Съ тѣхъ поръ мы начали пьянствовать и не исполняли исправно своей службы и ушли, бродили по лѣсу, охотились на зайцы и серны и кое какъ жили; а наше мѣстожительство было Чертовъ гротъ въ Кременѣ.

Хотя мы и не жили въ замкѣ Трейдень, всетаки Якубовскій разсуждалъ, какъ и гдѣ забрать Розу въ свои руки и обезчестить. Наконецъ онъ мнѣ сказалъ, что у него планъ готовъ. Онъ послалъ посланнаго въ замокъ Трейдень и приказалъ извѣстить Розу, чтобы она пришла въ гротъ не вечеромъ, а во время обѣда, такъ что онъ, т. е. Викторъ желаетъ уѣхать и послѣдній разъ распрощаться съ нею. Роза повѣрила этому и явилась въ означенное время въ гротъ. Мы скрывались въ кустахъ и видѣли, что Роза все смотрѣла въ сторону Зегевольда, ожидая прихода своего жениха, своего Виктора. Но онъ не пришелъ, такъ что не зналъ этого адскаго плана! —

И Скудринъ разсказалъ все, что зналъ объ убійствѣ Розы Якубовскимъ, что мы уже знаемъ изъ девятой главы этого разсказа. Наконецъ онъ еще разсказалъ, что послѣ совершения страшнаго преступленія, Якубовскій началъ бѣжать, такъ что онъ, Скудринъ, не могъ его догнать.

— Я пошелъ далѣе впередъ, пока усталъ, — продолжалъ онъ свой разсказъ, — и ложился подъ дубомъ отдох-

нѣтъ и въ тѣни его скоро заснулъ. А на меня напали страшные сны. Я видѣлъ кровавый мечъ, которымъ была убита Роза, видѣлъ Розу, около которой стояло множество ангеловъ, а мнѣ не дали покоя черти и хотѣли меня утащить въ адъ, пламя котораго я видѣлъ вдали. И они навѣрное потащили бы меня туда, если Роза, съ вѣнкомъ изъ розъ на головѣ и съ пальмовою вѣткою въ рукѣ, не прогнала бы ихъ. Тогда я увидалъ Якубовскаго, у котораго вѣроны и вороны каркая выклевали глаза. Я испугался и проснулся; а что я увидѣлъ? — О, ужасъ! — падъ моею головою на дубъ висѣлъ мой товарищъ и вѣроны и вороны кружили около него. А я понимаю, что дьяволъ забралъ его въ свои когти, такъ что лицо появилось и глаза выпятились изъ орбитъ. Злая совѣсть велѣла ему повѣстаться, а меня пригнала сюда, чтобы получить награду за свои проступки и преступленія, особенно за то, что я не попробовалъ спасти Розу и рѣшилъ свободу своему товарищу. Но если судъ не наказываетъ меня смертью, какъ помощника убійцы, то прошу освободить невиннаго молодого человѣка, который еще теперь находится въ тюрьмѣ! —

Глубокая тишина господствовала въ залѣ суда; всѣ присутствующіе были весьма тронуты и потрясены.

— А ты не знаешь, куда дѣвалась дѣвочка Грейфа, которая до сихъ поръ еще не найдена? — спросилъ председатель суда.

— Я не знаю этого, — пояснилъ Скудринъ.

Въ эту минуту вошелъ старикъ Грейфъ, держа за руку свою дѣвочку, которая плохо рассказала, что выдала и слыхала. Она ходила по долинѣ и рвала цвѣты, чтобы этими украшать Розу; потомъ она услышала въ гротѣ крикъ и поспѣшила туда и увидала страшную борьбу Розы съ Якубовскимъ. Она также слыхала, какъ Роза умоляла убійцъ, пока мечъ не отрубилъ ей головы. Дѣвочку все это перепугало такъ, что она даже не знала, въ которую сторону она побѣжала. Наконецъ она дошла до Кремона, гдѣ сострадательные люди приняли ее и отвели въ замокъ Трейденъ и передали старикамъ Грейфъ.

И теперь оказалось, что все чистая правда, что рассказывалъ Скудринъ. Его товарища пашли, висячимъ на вѣткѣ

дуба, также и мечъ, утопленный въ источникѣ. Якубовскаго сняли съ дерева и бросили въ болото, также само и мечъ, а Скудринъ получилъ смертную казнь. Виктора освободили съ большими почестями, и всё ликовали, какъ друзья, такъ и враги, какъ высокіе, такъ и низкіе, какъ богатые, такъ и бѣдные и пожелали ему счастье и многія лѣта; всетаки никто не могъ ему возвратить его горячо любимой невѣсты.

Глава 13.

Похороны Розы.

Рѣдкая дѣва имѣла такія величественныя похороны, какъ Роза. Не только старики Грейфъ старались сдѣлать похороны по возможности блестящими, и больше всего Викторъ, не жалѣя для своей дорогой невѣсты Розы. Большая зала замка Трейденъ была похожа на садъ цвѣтовъ, на рай, хотя стѣны были обиты чернымъ сукномъ. Всетаки каждый цвѣтокъ, которымъ онъ украшалъ похороны Розы, онъ рассказывать о своемъ великомъ горѣ, о своей печали, говоря:

— Милые цвѣты, цвѣтите на могилѣ моей дорогой невѣсты и говорите всему свѣту о ея смерти и о ея чести. Я съ вами уже больше не буду заниматься, такъ что я уйду отъ васъ. Я поѣду далеко, далеко въ свою родину. Въ долину рѣки Некаръ я ей воздвигну памятникъ и украшу его лавровыми вѣнками. Тамъ по близости ему я буду жить въ своей лачужкѣ, и смотря въ серебристый источникъ, вспоминая про свою Розу, до тѣхъ поръ, пока погаснетъ моя жизнь, да смерть насъ опять соединитъ навѣки.

На крышу гроба былъ наложенъ красный шелковый платочекъ Розы, смоченный ея кровью, въ знакъ побѣды ея чести; у гроба стоялъ Викторъ самъ на колѣни и молился, онъ лилъ горькія слезы.

А когда вошелъ пасторъ, тогда всё стали на колѣни и рыданіе и плачь наполнило помѣщеніе. Ахъ, и когда они еще увидали стараго, сѣдого Грейфа, который когда то спасъ жизнь Розы и воспитывалъ ее, то рыданія усиливались. Его жена не въ силахъ была прійти сопровождать свою любимую дочь, потому что сильно заболѣла.

Когда пасторъ исполнилъ свою обязанность и держалъ потрясающую рѣчь, гробъ подняли шесть рыцарей и понесли на кладбище у Трейденской кирки, въ сопровожденіи большой толпы народа и его опускали въ украшенную розами могилу, на которую положили большое число вѣнковъ. Позже на могилѣ былъ поставленъ большой бѣлый мраморный крестъ, на которомъ золотыми буквами было написано имя Розы, а на другой сторонѣ слѣдующіе слова: **«Любовь сильнѣ смерти и честь превышаетъ все другое.»**

Глава 14.

Просьба Виктора.

Добрые, сострадательные люди всегда слѣдуютъ примѣру нашего Спасителя и прощаетъ своимъ врагамъ и даже просятъ для нихъ прощенія. Также само сдѣлалъ и Викторъ. Онъ предсталъ передъ судомъ и просилъ, чтобы помиловали Скудрина, который теперь былъ заключенъ въ тюрьмѣ замка Трейдена и ожидалъ строгое, но правдивое наказаніе, говоря:

— Высокій судъ, нельзя отрицать, что рукою Якубовскаго пролита невинная кровь, и нельзя отрицать также, что Скудринъ не спасъ бы меня отъ смерти, еслибы не явился сюда и сказалъ, что его товарищъ убійца Розы и я бы померъ безжалостно на скамьѣ пытокъ. Потому и я прошу, высокий судъ, помиловать Скудрина и отмянуть наказаніе.

Судьямъ не очень то понравилась просьба Виктора, но наконецъ они слушали его. Скудринъ долженъ былъ нѣкото-

рое время сидѣть въ тюрьмѣ и потомъ навсегда покинуть Лифляндію.

Когда это было сдѣлано, Викторъ вернулся, проливая горькія слезы, въ Зегевольдъ и остался тамъ еще короткое время, такъ что онъ былъ намѣренъ, какъ мы уже раньше говорили, вернуться въ свою родину Германію. Ему не хотѣлось больше тутъ оставаться, гдѣ онъ долженъ былъ утратить самую большую драгоценность на свѣтѣ, гдѣ негодяй Якубовскій умертвилъ его незабвенную, дорогую невѣсту. Собственникъ Зегевольда обѣщалъ ему платить тройное жалованье, чтобы тотъ не оставилъ своего мѣста, но онъ отвѣтилъ, что желаетъ опять увидѣть свою дорогую родину. Старики Грейфъ также хотѣли его удержать, но этимъ добрымъ людямъ онъ пояснилъ, что желаетъ поѣхать на родину и жить памяти Розы.

Но передъ этимъ онъ еще разъ посѣщалъ могилу Розы и потомъ покинулъ навсегда Лифляндію.

Глава 15.

Викторъ послѣдній разъ у могилы Розы 1620 года.

Была уже осень. Съ деревьевъ уже начали падать листья.

Лебеди и журавли начали улетѣть въ теплыя края и уведомили людей, что скоро придеть суровая, все леденящая зима со своими морозами.

Викторъ также готовился въ путь:

Все-таки, передъ уходомъ, онъ еще разъ пошелъ въ Трейденъ, чтобы послѣдній разъ побыть у могилы Розы.

Была ночь.

Святой миръ и тишина царствовали въ долинахъ и горахъ Лифляндской Швейцаріи.

Всѣ спали сладкимъ, пріятнымъ сномъ, когда молодой челоуѣкъ шагаль въ сторону Трейденскаго кладбища, гдѣ находилась могила Розы. Его блѣдное лицо свидѣтельствовало, что горе и печаль не были ему чужими, что на землѣ для него не было больше никакой радости и счастья.

Этотъ молодой челоуѣкъ былъ Викторъ, который шель отдать свой послѣдній прощальный привѣтъ своей покойной невѣстѣ. Но его губы нѣсколько разъ шевельнулись, будто бы въ разговорѣ съ любимымъ существомъ. И дѣйствительно его губы тихо шептали:

— Ахъ, деревья, деревья, что обозначаетъ ваше жужжанье, вашъ разговоръ? Да, милыя деревья, я вижу, что съ васъ спадаютъ пожелтѣвшіе листья, которые напоминаютъ ничтожество земной жизни. Прощайте, вы липы и дубы, я больше васъ не увижу! —

Но когда онъ зашелъ на кладбище и всталъ на колѣни у могилы Розы, то говорилъ печальнымъ голосомъ:

— Прощай, милая, дорогая могила! Тутъ почиваетъ самое драгоценное для меня существо! Тутъ почиваетъ моя незабвенная Роза. Послушай, дорогая, чтобы послѣдній разъ быть у твоей могилы. Спокойной ночи, мой добрый ангель! Спокойной ночи! Спи сладко! Спокойной ночи!

Больше онъ не могъ выговорить, такъ что слезы ему сдавили горло. Все-таки онъ еще остался на время у могилы и только при восходѣ солнца покинулъ ее. При томъ онъ взялъ собою горсть земли, говоря:

— Эту гореть земли я буду держать при себѣ до самой смерти; она напомнитъ мнѣ мѣсто, гдѣ покоится моя дорогая Роза. Когда я посмотрю на гореть этой земли, то я опять вспомню прошлые дни счастья. А теперь, дорогая, я ухожу. — Прощай! — Прощай! —

Послѣ того онъ поспѣшилъ уѣхать въ Германію. Красный платочекъ Розы и горсточку земли онъ взялъ собою.

А ты, Лифляндская Швейцарія, ты замокъ Трейденъ, ты гротъ Гутмана, да здравствуй вѣчно за дѣву Розу, которая, защищая свою честь, пала геройской смертью! —

Конецъ.

Содержаніе.

Предисловіе.

- Глава 1. Гадобаръ и Радивиль.
- „ 2. Находка Трейденской дѣвы Май-Розы.
- „ 3. Дѣтство и юность Трейденской Май-Розы.
- „ 4. Викторъ Гейль.
- „ 5. Встрѣча Виктора и Розы.
- „ 6. Гротъ Виктора.
- „ 7. Адамъ Якубовскій и Петръ Скудрянь.
- „ 8. Обманъ.
- „ 9. Смерть Розы.
- „ 10. Извѣщеніе Трейденскаго посланника гофгерихту.
- „ 11. День суда.
- „ 12. Конецъ суда.
- „ 13. Похороны Розы.
- „ 14. Просьба Виктора.
- „ 15. Викторъ послѣдній разъ у могилы Розы 1620 года.

